Константин Ломиа

Абхазские строки

Стихи. Поэма

Перевод с абхазского

Тбилиси, "Мерани", 1987

84 Абх. 7
Л 745

Известный абхазский поэт К. Ломиа, хорошо знакомый русскому читателю, выступает со своей новой книгой стихов, в которую вошли по преимуществу лирические строки, посвященные родине, а также афористические четверостишия философского содержания.

4702030000—215
Л---------- 151—87
М 604 (08)—87

(c) Издательство «Мерани», 1987.

СОДЕРЖАНИЕ

- **ЛЕЛЕЙТЕ ЗЕМЛЮ**

Перевод Я. Козловского
Кто сможет синь морскую взвесить?..
В пределах края отчего...
Поступиться не смея и малым...
Лелейте землю, и она...
Муж из мужей мужчина тот...
Пускай всегда в полночной мгле...
В могиле братской с той войны...
Мороз, появившись с алмазом зимы...
Переменчивы страсти мирские...
Срок осени извечен...
Лизнув скалу багровым языком...
Я в деревне гостил, и чуть свет...
Когда просветляют нас слезы...
С вершины по тропинкам горным...
Если равному хлеб-соль...
Враг угрожает вам...
Не пугайся, что труд будет тяжек...
Хороша она ликом и статью...
От человека молодость ушла...
Мы с тобою под небом Кавказа...
Освоив азбуку едва...

Я был на коне — ты поил меня медом
Страх пагубней черной тоски...
Едешь в бой или к невесте...
Пусть тайна опечатает уста...
Гроза столетнюю чинару...
Друг, не ропщи, побойся бога...
Слово друга, и не раз...
Они друг другу угрожали...
Бессильна перед зноем...
Всякой речи основа основ...
Понять непраздный человек...
Мне, словно в наставление...
Я в поздний час...
Верность земле не наруша...
Стою на вершине и вижу поблизости...
Душ а подобна облаку...
Если друг обернется пылинкой...
Если спящую на склоне реку...
«Теперь закатилась, став схожею с тыквой»...
Я в горы поднялся, а дом мой внизу...
Овцы пасутся на склоне горы...
Глядит старик на гребень перевала...
Стоит скала Багады, а под ней...
Влюбленных светильник извечный...
Малеевка. Исходит от берез...
Взмыла ласточка людям на милость...
Распахнуты лета высокие дни...
За дерзновенность в наказанье...
Отмеренных на солнечных часах...
Абхазская лоза, достойная хвалы...
Под стать жаровне все раскалено...
Из узкой теснины Багады...
Над Квабчарой окрест ложилась мгла...
Что время не испытывает бремени...
Мороз, как воевода, издалека...
Мчится поезд осатанело...
Года словно шпалы столетья...
Перемежая быль и сказки, я...
Нам от начала, от истоков...
Перед грозою все притихло...
Где бы ни шел я по горной грани...
На то, читатель, сетуешь ты строго...
Лечу по асфальту в машине...
Хоть глаз коли — такая темь вокруг...
Горницы девичьей было окно...
Над горной грядой зарядили дожди...
Если только спорится работа...
Спокон веков под небом отчих мест...
Крылья ласточки брови твои...
В саду, тобой взращенном, мама...
Мельница домашняя стояла...
В абхазских лесах на подоблачных скатах...

Справедливости раб добровольный...
С пулей в сердце воин пел...
Луна взошла над морем, и горами...
Властитель власти был лишен...
Задернув, как занавес, сцену...
Небо пламенем объято...
Как в небе солнце ни печет...
Подняться бы мне до базальтовых скал...
Вновь ступней моих касалось...
День нынешний стоит на двух быках...
Голуби снижались, и ладони...
От солнца раскидистой кроны навес...
Меня, о море, шум твой не гнетет...
Клянусь, не счесть и с помощью цифири.
Я иду вдоль берега Кодора...
Повсю ду прослыв знаменитым...
Амбары у желтой долины...
Коровы сытые и ночи...
От зноя все раскалено...
Кровь от крови, плоть от плоти...
Дерев могущественней всех...
У абхазцев имеется мненье...
В камине выстрелы звучали...
Велик заботам нашим счет...
Родился я в разгаре февраля...
Снег великий в Абхазии выпал впервой...
В горах, где луг альпийский в росах...
На рассвете будят лес...
Как много рыб водилось в нашей речке..
В пору стужи и недуга...
Признаться должен, что у нас в Апсны...
Поднял вновь под звездным сводом...
Весна, перемахнув хребет...
Людская память — это книга...
Всю ночь сегодня снег валил...
День — это повесть в переплете зорь...

Перевод Н. Гребнева
Вдали Хребты Абхазии родные...
Стояли, велики и тяжелы...
И солнцу положить конец пришлось...
Разве море Черное черно?..
Всю жизнь свою и в радости, и в горе...
Ты, солнце, утром светишь нам и днем...
Забыта мать забывчивого чада...
Обманывалась слава, и не раз...
Не может быть иначе...
Учить и поучать мне не дано...
Здесь испокон веков уж так ведется...
Младенец в колыбели — словно бог...
Цветы растут не только на земле...
Я стен не возводил, не строил башен...

Все повторимо в нашем мире старом...
Чтоб мир, уставший от зимы, согреть...
Есть сходство между словом и огнем...
О бо всем написано стихами...
Опять гроза свирепствовала ночью...
Что ни спросить, речь дурака готова...
Иная птица людям доверяет...
На лугах в горах родного края...
Вновь я думаю, на горы глядя...
Предок мой скакал на бранном поле...
Остывает солнце постепенно...
Я стою над речкой нашей горной...
Уже пьянит сады весенний хмель...
И мертвый камень наделен душой...
Кто б на свете сетовал на ветер...
Сыпя брызги и вздымая пену...
Пришла на Рицу ранняя весна...
Речки дорогой моей земли...
Неуклюжая моя строка...

Перевод Е. Николаевской
Кто молнию первым к земле притянул — и когда?..
Когда иные рвутся к звездным далям...
Как метался конь в проулке тесном!..
Немыслимым был он — твой шум на рассвете...
Есть слово и у правды, и у лжи...
Полночный ветер, что шумишь невесело...
Разве сердце может быть без крыльев?..
Иным — на пользу изобилье...
Охраняйте бессонно...

Перевод Р. Казаковой
Казалось бы: ну, что такого?..
Голубь на ладони у меня...
Море спит в своей мягкой постели.
Я на вершину поднялся Чегета...
Проснулся я перед рассветом...
Я в зеркала смотреться не хочу...
Земля для семени распахнута...
Дует ветер. Дует сильный ветер...
Ты бродишь по горам. Ты пьешь

Перевод С. Куняева
Одни свою весну встречали летом...
Как будто вражеский десант...
На темный гребень...
Скрылось за гору солнце...
Скал немые громады...
Да, немало сдержали мы слез...
Давно ли виделись с тех пор?..
Облака по небу расползлись...
Сам себе улыбнешься не часто...

Мы на утлой лодчонке плывем...
Зима медведем белым...
Вот и выгорела трава...
Разучилась смеяться природа...
Сентябрь...
Стихотворенье родилось...
Улетают птицы суетливо...
Радость открытий...
Когда беда тебя найдет...
О поэт!..

Перевод Л. Дементьева
Солнце за море уходило...
Солнца снова всю ночь не будет...
Лоза убегает от сырости...
Пускай негромок голос у поэта...

Перевод М. Соболя
Мне страшно: в сердце — тишина...
Мне глядеть на вас чудно и чудно...
Меня разбудило море...

Перевод Е. Елисеева
Изабелла — южанка

- **АБХАЗСКИЕ СТРОКИ**
  I. *Перевод Н. Гребнева*
  II. *Перевод Я. Козловского*

- **НА МИРНОЙ ПОЛЯНЕ**
  Поэма
  Перевод Р. Казаковой

ЛЕЛЕЙТЕ ЗЕМЛЮ

* * *

Кто сможет синь морскую взвесить?
Кто станет измерять цветок?
Абхазию вы дней за десять
Пройдете вдоль и поперек.

Но хоть мала страна абхазов,
Не зря о ней в лучах тепла
Дорога из людских рассказов
Мир златоустый обошла.

* * *

В пределах края отчего,
Что весь похож на диво,

Завод — оплот рабочего,
А землепашца — нива.

Строкою неизбитою
Мне б высечь искру света.
Слывут стихи защитою
Достоинства поэта.

* * *

Поступиться не смея и малым,
Стой за правду любою ценой,
Хоть с приставленным к горлу кинжалом,
Хоть по горло в воде ледяной.

Не якшайся с приятелем лживым,
Что в застолии льстит до зари.
Даже недруга, будь он правдивым,
Ты в свидетели правды бери!

* * *

Лелейте землю, и она,
Людских судеб избранница,
В долгу в любые времена
Пред вами не останется.

В цветенье вешнем иль в снегу,
Земля всегда красавица,
И за любовь она в долгу
Пред вами не останется.

* * *

Муж из мужей мужчина тот,
Кто мужественней прочих
Мужей, в кругу мирских забот
До мужества охочих.

Такой для отчей стороны
Меч верный и кольчуга.
А быть лишь мужем для жены
Невелика заслуга.

* * *

Пускай всегда в полночной мгле
На небе звезды будут в сборе,
Пусть вольно дышат рыбы в море,
Свободно — люди на земле.

Пускай деревьев корневища

Не знают гибели вовек,
И счастлив будет человек
Под кровом каждого жилища.

* * *

В могиле братской с той войны
Покоится у края луга,
В подножье горной вышины,
Артиллерийская прислуга.

Лежат бок о бок, вчетвером
Солдаты, вверенные славе.
И только гроз небесных гром
Здесь тишину тревожить вправе.

* * *

Мороз, появившись с алмазом зимы,
Вновь застеклил, как стекольщик, озера.
Очей не свожу я с седого простора,
Где схожи с морскими волнами холмы.

А дым над домами вблизи и вдали
Недвижно стоит, лиловея с рассвета.
И может очам показаться, что это
По белому морю плывут корабли.

* * *

Переменчивы страсти мирские,
Вот купанья окончился срок,
Лижут холодно волны морские
Опустевшего пляжа песок.

Но купаться на берег безмолвный
Ходит дева одна до сих пор.
На груди ее греются волны,
Молодой обретая задор.

* * *

Срок осени извечен,
Багрец на алыче.
И встал над полем вечер,
Серп лунный на плече.

И вечер с полем слился
И, пот стерев с лица,
Крестьянину явился
В обличии жнеца.

* * *

Лизнув скалу багровым языком,
Из-за нее исходило солнце снова.
Мычала в нетерпении корова,
В срок вымя чье набухло молоком.

И, отыграв настырного теленка,
Доила мать притихшую корову.
Потом несла к проснувшемуся крову
Она подойник, полный молока.

* * *

Я в деревне гостил, и чуть свет
Петухи разбудили меня.
И встречал я рождение дня
На гропипках мальчишеских лет.

В небе звезды белели. Оно
Полом хлопковым мне показалось,
Солнца хлопок убрать постаралось,
Мир теплом одарив заодно.

* * *

Когда просветляют нас слезы,
То это ко благу.
И если живительны грозы,
То это ко благу.

Тьма ночи, что сводит влюбленных,
Волшебна ко благу.
Чурается троп проторенных
Удача ко благу.

* * *

С вершины по тропинкам горным
Проходят женщины все в черном.
Я слышу плач и причитанье жен,
Направившихся к месту похорон.

Будь мать моя жива, она б в печали
За ними поспешила в черной шали,
И с головой опущенною шла.
И слезы неподдельные лила.

* * *

Если равному хлеб-соль
Равный дружески поднес,

Высока ее цена,
Словно равенства сторон.

Если властному хлеб-соль
Покорившийся поднес,
То горька ее цена,
Унижению сродни.

* * *

Враг угрожает вам, но вы
Не преклоняйте головы
Перед его угрозами
И лживостью молвы.

Потрафил недруг вам, но вы
Не ослабляйте тетивы:
Порою благодушие
Нам стоит головы.

* * *

Не пугайся, что труд будет тяжек,
И, усердствуя в поте лица,
Ты, себе не давая поблажек,
Дело в срок доводи до конца.

И оказывать лени потворство
Опасайся и в зной, и в метель.
Гору сдвинешь, являя упорство,
Лишь была бы возвышенной цель.

* * *

Хороша она ликом и статью.
Почему же такой благодатью
Не прельстились еще до сих пор
Удальцы женихи среди гор?

Я бродил по полянам заречья,
Там шмели — золотое оплечье —
День-деньской пили мед из соцветий,
Самый лучший цветок не заметив.

* * *

От человека молодость ушла,
Но ты об этом не веди с ним речи.
Пусть верит, что незримые крыла,
Как некогда, его венчают плечи.

Когда минуют времена утех,

То в кровь начнет закрадываться холод.
Не подноси беззубому орех,
Пусть верует, что он, как прежде, молод.

* * *

Мы с тобою под небом Кавказа,
Под клубящимся белым гуртом,
В самом деле, как будто два глаза,
Разделенные горным хребтом.

Если плачем, то плачем мы оба,
И смеемся не порознь мы.
Это будет до самого гроба,
До последней, до аспидной тьмы.

* * *

Освоив азбуку едва,
Он счел себя ученым мужем.
И произносится к тому ж им
Мне в назидание слова.

Спешу сбежать за семь хребтов
От наставлений изреченных.
За неученого готов
Отдать я трех полуученых.

* * *

Я был на коне — ты поил меня медом,
Но рухнул с коня пред честным я народом,
Прошел ты, не пряча холодного взгляда,
И в слове оставил мне капельку яда.

Но вновь на коне я. И даль не в тумане,
Мне в здравице мед ты подносишь, как ране.
Скачу, не молчу, а кричу я: «Не надо
Из рук твоих меда, из уст твоих яда!»

* * *

Страх пагубней черной тоски.
И трусу, он конный иль пеший,
Повсюду мерещится леший.
У праха глаза велики.

Скрип запертой двери в ночи
Трус слышит, хоть ветер не свистнул.
И сердце (вновь страх его стиснул)
Трепещет подобьем свечи.

* * *

Едешь в бой или к невесте,
Суд ли правишь, чтя закон,
В этом мире долгом чести
Будь всегда обременен.

Хороши, дурны ли вести,
Пред лицом любых времен
В этом мире долгом чести
Будь всегда обременен.

* * *

Пусть тайна опечатает уста
Как будто бы могильною плитою.
Встарь говорили люди неспроста:
— Не расставайся с тайною святою!

Незримый, от незримого замка
Ты ключ хранишь. Ключ этот непростой,
Чтоб тайна не сорвалась с языка,
Ее хранитель должен быть отважен.

* * *

Гроза столетнюю чинару
Швырнула с кручи под обрыв.
А сколько тех, что жизни чару,
Ушел из мира, не допив.

Число могил — оно несметно,
А времени быстра река,
На берегах ее бессмертна
Лишь мысль, что истине близка.

* * *

Терпенье — правая рука победы.
Пословица

Друг, но ропщи, побойся бога,
Терпенье — длинная дорога,
Крутой подъем под облака,
Надежда верного залога,
Победы правая рука.

Терпенье — крепости осада,
Семьи спасенье от разлада,
Смиренье грозного клинка.
Терпенье — мужеству награда,
Победы правая рука.

* * *

Слово друга, и не раз,
Выручало в жизни нас.
Опасайся пренебречь им,
Ибо слово друга нечем
Заменить в недобрый час.

В слове друга — правды суть,
За нее не обессудь:
Пусть хоть горечь пить заставит,
Но за то, гляди, наставит
И тебя на верный путь!

* * *

Они друг другу угрожали,
И ярость их звала к расплате.
Казалось, что в руках держали
При этом оба по гранате.

И нужен был здесь миротворец,
Опасность видящий в раздорах,
Но рядом оказался горец,
Подбрасывавший искры в порох.

Блаженно потирал ладони
Он в непосредственном соседстве,
Когда противники в уроне
Остались при его посредстве.

* * *

Бессильна перед зноем
Была деревьев тень,
С нас лился пот, как будто
Воск с тающих свечей,
Казалось, задыхался
Алоподобный день,
Вложить в ножны мечтая
Мечи своих лучей.

Дышать, как рыб на суше,
Он смог принудить нас.
И каменные стены
Наполнились огнем.
Но все же долгожданный,
Настал блаженный час:
Спустилось к морю солнце,
Чтоб выкупаться в нем.

* * *

Всякой речи основа основ
Не число, а значение слов.
Можно словом единым порой
В небе звезды зажечь над горой.

И единое слово подчас
Выражает пленительно нас.
Молвил слово я той, что мила,
Голова ее кругом пошла.

* * *

Понять непраздный человек
Способен истину простую:
День, нами прожитый впустую,
Невосполним за целый век.

Мы, как на свежего коня,
На завтра, сколько б ни потели,
Не переложим без потери
Заботы нынешнего дня.

* * *

Мне, словно в наставление,
Изрек старик селения:

— Не тех, выше званием,
А тех, кто выше знанием,
Стремись держаться ты.

Смысл жизни есть познание,
Ты в нем ищи признания,
Избегнув суеты.

* * *

Я в поздний час,
Не предаваясь сну,
Увидел в черном озере
Луну.

И рыбы, вроде
Маленьких ракет,
Как в небе плыли,
Излучая свет.

Так мне воочью
элиз прибрежных глыб
Предстало ночью

Прилуненье рыб.

* * *

Верность земле не наруша,
Под облаком, в вышине,
Выросла некогда груша
На крепостной стене.

Словно стоит на страже
Памяти о старине
И плодоносит даже
На крепостной стене.

* * *

Стою на вершине и вижу поблизости
В скальную пасть угодивший ледник,
Он в лиловатой полуночной сизости
Чуть серебрится, подоблачно дик.

И восьмистишие это окончу я
Тем, что мне барса послышался рык,
Что месяц на небе — поджарая гончая
И кажется лунным обломком ледник.

* * *

Душа подобна облаку, покуда
Не станет слова сутью золотой.
Вдохнешь в строку, глядишь —
Возникло чудо.
Не повезет — родится звук пустой.

Слова, слова... Они сопротивленье
Оказывают мне не в первый раз.
Я шлифовальщик в пору вдохновенья,
А слово непокорно, как алмаз.

* * *

Если друг обернется пылинкой
И заставит слезиться твой глаз,
Ты живи с этой малой соринкой
И терпи, и сверкай, как алмаз.

Если друга над бездной распяли
И, как мост, он лежит на пути,
Стерегись (хоть бы царство давали)
Ты по этому мосту пройти.

* * *

Если спящую на склоне реку
Доведется встретить человеку,
Говорят, что все до одного
Сбудутся желания его.

Если встречу реку я такую,
О которой вам сейчас толкую,
Иге мечты тщеславные отрину,
Счастья попрошу родному сыну.

* * *

Теперь закатилась, став схожею с тыквой,
Когда-то сверкавшая ярко звезда,
Отныне покончено с ним навсегда»,—
Решили враги над убитым Сасрыквой.

Но молвили горы: «В спесивых речах
Не рано ли подняли радости крик вы?
И впредь не забудем мы имя Сасрыквы,
Пока будем небо держать на плечах!»

* * *

Я в горы поднялся, а дом мой внизу
Остался в долине у самого моря,
И вольное эхо, потоку здесь вторя,
Рокочет, как будто рожает грозу.

Встречаю ночную в горах благодать,
На сердце светло, и на небе не хмуро,
И месяц, как рог златоглавого тура,
Так близок, что можно рукою достать.

* * *

Овцы пасутся на склоне горы,
Рядом играет пастух на свирели.
Звуки его безыскусной игры
Вторят потоку, что мчится в ущелье,
Рдеет заря иль пылает закат,
Звуки плывут на подоблачной ноте.
Завороженно вершины молчат,
Замер орел в вековечном полете.

* * *

Глядит старик на гребень перевала,
И чуть печален взгляд у старика,
На эту кручу столько раз, бывало,
Всходил он, облачаясь в облака.

И, вспоминая лихость молодую
И с лезвием кинжальным схожий путь,
В раздумье гладит бороду седую,
Как облако, венчающую грудь.

* * *

Стоит скала Багады, а под ней,
Морщинисты, темны и угловаты,
Лежат бок о бок тысячи камней,
Как будто войска павшие солдаты.

Я их спросил: — Не скажете ль, каменья,
Кто вас поверг здесь и в какие дни? —
Для них столетья не длинней мгновенья,
И тайны мне не выдали они.

* * *

Влюбленных светильник извечный,
В обугленном небе возник
Луны ослепительно млечной
Над миром склонившийся лик.

Пусть светит повсюду влюбленным
Со звездных просторов луна,
Которая стать полигоном,
Земле па беду, не должна.

* * *

Малеевка. Исходит от берез
Высокий свет, и птиц звучат капеллы.
«Ах, родом вы не из морской ли пены?» —
Спросил я у есенинских берез.

Пад вымыслом бывал во власти слез,
Как суждено порой бывать поэтам.
И льнул к перу, вновь озаренный светом,
Небесно исходящим от берез.

* * *

Взмыла ласточка людям на милость,
И течет, разливаясь, тепло.
Все вокруг ожило, обновилось,
Медоносное время пришло.

Зазвенели небесные хоры,
Цветнику уподобился дол.
Превратились бы в пасеку горы,

Прояви мы усердие пчел.

* * *

Распахнуты лета высокие дни,
И ослепительный купол
Прильнул бирюзово по праву родни
К высоким чинаровым купам.

В подножии гор отражает река
Полуденный ультрамарин,
И вдаль над горами плывут облака,
Как отсветы белых вершин.

* * *

За дерзновенность в наказанье
Был Зевсом с помощью цепей
Прикован, как гласит преданье,
К скале кавказской Прометей.

И снова в пляске искрометной
Летим, кинжалами звеня,
Во славу удали почетной
И прометеева огня.

* * *

Отмеренных на солнечных часах
Лет отрочества я не позабуду.
Душа желала приобщиться к чуду
На морс, на земле, на небесах.

Я взрослым был, когда, вблизи светил
Мерцая, в небе пролетел Гагарин,
Но отрочеству буду благодарен,
Что в нем желанье чуда ощутил.

* * *

Абхазская лоза, достойная хвалы,
Души моей наследная отрада.
Издревле оплетаешь ты стволы
Любого уважаемого сада.

Абхазская лоза, минуй тебя беда,
Чтоб сладость гроздий вновь могла воспеться.
До солнца поднялась бы ты, когда
На луч его сумела опереться.

* * *

Под стать жаровне все раскалено,
И кажется, что этакой порою
Лишь чиркни спичкой в небе над горою —
И, как солома, вспыхнет враз оно.
Густой орешник над рекой поник,
И, обмелев, течет река устало.
Лишь птичьи крылья, словно опахала,
Земли родимой овевают лик.

* * *

Из узкой теснины Багады
Кодор, закусив удила,
Мчит к морю, минуя преграды,
Как лошадь, чья грива бела.

Покинуть родное нагорье
Спешит, и могуч, и суров,
Как будто бы Черного моря
Он слышит о помощи зов.

* * *

Над Квабчарой окрест ложилась мгла,
Она меня застигла на подъеме.
Взошедшая луна была бела,
Как будто сыра круг в абхазском доме.

Казалось: рядом ближняя звезда —
И дотянуться до нее не трудно.
Превыше славы, преданно и чудно,
Меня вздымала горная гряда.

* * *

Что время не испытывает бремени,
Нам кажется, наверно, потому,
Что нет преград для мчавшегося времени,
Что время не покорно никому.

В плену его стремительного бега мы
Все пребываем до скончанья лет.
"Дожить бы до весны нам, а до снега мы
Дожить сумеем", — говорил мой дед.

* * *

Мороз, как воевода, издалека
Примчался в горы, и, клинком звеня,
Стремнину одичалого потока
Он осадил, как белого коня.

И ущелье ветер затянул потуже
И онеметь заставил горный лес.

И, словно побелевшая от стужи,
Взошла луна над заревом небес.

* * *

Мчится поезд осатанело,
И кидаются вспять леса,
Чья вдоль видимого предела
Ослепляет еще краса.

Словно в страхе, оленеголово,
Убегает чреда дубрав,
Или кажется ей, что снова
Лесорубов везет состав.

* * *

Года — словно шпалы столетья,
По ним, как судьба ни перечь,
Готов сквозь пространство лететь я,
Став поездом в честь ваших встреч.

И умер бы я от печали,
Когда бы под крики ворон
В тупик меня скорбно загнали,
Как списанный старый вагон.

* * *

Перемежая быль и сказки, я
Писал стихи, чтобы могли
Они, как крепости абхазские,
Стоять за честь родной земли.

Вершил, что было предназначено,
Я, землю отчую любя.
И, может быть, моя потрачена
На это жизнь была не зря?

* * *

Нам от начала, от истоков
Даны судьбой в учителя,
Еще задолго до пророков,
Родные небо и земля.

И я во славу их стараюсь
Всегда быть жизни посреди,
И от земли не отрываюсь,
И небеса несу в груди.

* * *

Перед грозою все притихло,
Примолкли птицы до поры.
И нива, словно шкура тигра,
Желтеет на плечах горы.

Былых солдат живет немало
Еще в родимой стороне.
Им памятно, как замирало
Все перед боем на войне.

* * *

Где бы ни шел я по горной грани,
Где бы ни шел вдоль долин благих,
Слово «мир» для людской гортани
Было сладостней слов других.

Пусть и впредь оно обнадежит,
Дарит чаянью торжество,
Нет, во рту никогда не может
Быть оскомины от него.

* * *

На то, читатель, сетуешь ты строго,
Что нынче нас — поэтов — стало много.
По небу воздана тобой хвала
За то, что звездам нету в нем числа.

Не то беда, что нас — поэтов — много,
А в том, что не у всех своя дорога.
И то печально, что иной поэт
В стихах чужой лишь отражает свет.

* * *

Лечу по асфальту в машине,
Хожу по паркетному полу,
Но все ж мне отрадней поныне
Бродить по зеленому долу.

И космонавту-герою,
Что мчится по звездному кругу,
Пройтись так охота порою
Босым по рассветному лугу.

* * *

Хоть глаз коли — такая темь вокруг,
Ни зги не видно посреди теснины,
Но в небо поднял голову — и вдруг

Увидел я, как светятся вершины.

Их свет земной со звездным был един,
И показалось мне в минуту эту,
Что я лечу во мгле навстречу свету,
Что сказочно исходит от вершин.

* * *

Горницы девичьей было окно
Наглухо ставнями затворено.
Только однажды полночной порою
Вдруг растворилось нежданно оно.

Видели звезды, как возле окна
Парень лихой осадил скакуна
И девушке молвил заветное слово
И настежь окно распахнула она.

* * *

Над горной грядой зарядили дожди,
И реки взыграли по этой причине.
И, взбив седину на могучей груди,
Несется Кодор по гранитной теснине.

Летит рокоча, облаченный в грозу,
И так устремился к подножию яро,
Как будто спешит погасить он внизу
Взметнувшийся пламень лесного пожара.

* * *

Если только спорится работа,
Я летаю словно в небесах.
Даже пусть от этого полета
Навернутся слезы на глазах.

А в минуты редкого досуга,
Выходя на каменистый брег,
Слушаю я море, словно друга,
Наблюдая волн свободный бег.

* * *

Спокон веков под небом отчих мест
На свадьбах, что веселием сверкали,
Наездники когда-то в честь невест
На скакунах горячих гарцевали.

Но смолк в горах стремян прекрасный звон
И свадеб изменилися картины:

У коновязей дедовских времен
Толпятся всех мастей автомашины.

* * *

Крылья ласточки — брови твои,
И в дороге, устав до предела,
Может, вправду по зову любви
Ты сегодня в мой двор залетела.

Ощущаю дыханье весны,
Все ее появились приметы.
Может, вправду из теплой страны
Прилетела сегодня ко мне ты?

* * *

В саду, тобой взращенном, мама,
Я быть садовником готов,
Хоть требует забот немало
Он от цветенья до плодов.

И, верный данному зароку,
Предамся весь его судьбе,
И поднесет он мне ко сроку
Плод, предназначенный тебе.

* * *

Мельница домашняя стояла
У ворот на маленькой реке.
Мать во тьме спускалась к ней, бывало,
Со свечой зажженною в руке.

«Ты, сынок, послушай-ка: не стали
Жернова?..» А сумрак был лилов,
Мамы нет, и мельницу сломали,
Но все слышу скрежет жерновов.

* * *

В абхазских лесах на подоблачных скатах
И на берегу у приморской воды
Все меньше становится племя пернатых,
Тревожусь за вас, соловьи и дрозды.

И гнездовья лепные под каждую крышу
Вернутся ли ласточки, даль одолев?
И голос кукушки ужель не услышу
В пору, когда начинается сев?

* * *

Справедливости раб добровольный,
Я в подножье небесных светил
К цели путь избрал не окольный
И душой никогда не кривил.

И, со временем связанный кровно,
Братской дружбы разжег я костер.
И чисты мои замыслы, словно
Глуби синие горных озер.

* * *

С пулей в сердце воин пел
Уарайда, песнь раненья,
И за храбрость исцеленье
Даровал ему удел.

А когда любовью вдруг
Ранен в сердце был, не стану
Обнадеживать, что рану
Исцелил ты песней, друг.

* * *

Луна взошла над морем, и горами
Прохладный вечер одарил южан.
И не мольбы звучат в пицундском храме,
А снова чудодействует орган.

Людским страстям небезмятежно вторя,
Наверное, могуч он оттого,
Что голоса небес, вершин и моря
Всегда в груди сливаются его.

* * *

Властитель власти был лишен,
Сидит пред домом на скамейке.
Теперь, видать, не стоит он
И продырявленной копейки.

Его почет исчез, как дым,
Все изменилось под луною.
Ломивший шапку перед ним
Проходит молча, стороною.

* * *

Задернув, как занавес, сцену,
Все небо окутала мгла,
Зима приходила на смену

Поре золотого тепла.

Приходят леса в содроганье,
На них в эти хмурые дни
От царственного одеянья
Остались лохмотья одни.

* * *

Небо пламенем объято
Над вершинами вдали,
Но не слышится набата,
Лишь гудят одни шмели.

Все в огне — земля и камень,
Росы, окна и поток,
Негасим вовеки пламень,
Озаряющий Восток.

* * *

Как в небе солнце ни печет,
Среди альпийских трав зеленых,
Цветы красуются на склонах,
Поставщики медовых сот.

И девушка у родника
Глядит на полог знойной сини.
И солнечна ее рука,
И солнечна вода в кувшине.

* * *

Подняться бы мне до базальтовых скал,
В них небо глядится, как в стекла зеркал,
И снова б лежать на альпийской траве
Мне с думою сладостною в голове.

Где бьются бараны близ вечных снегов,
Я слышал бы стук их могучих рогов,
И видел бы в горной реке поутру
Форели с проснувшимся солнцем игру.

* * *

Вновь ступней моих касалось
Море белою волной,
Море Черное казалось
Белым морем предо мной.

Словно нимфы, постирушку
Простыней устроив в нем,

Выносили на просушку
Их на берег знойным днем.

* * *

День нынешний стоит на двух быках,
Вчерашний день — одна его опора,
А завтрашний — другая. Нету спора,
Что искони так повелось в веках.

День нынешний — как мост. И если вдруг
Одна из двух опор не без изъяна.
Мост этот рухнет поздно или рано,
И вспоминать о нем не будут, друг.

* * *

Голуби снижались, и ладони
Я подставил им, но в этот миг
Свистнул ветер на небесном лоне,
Пыльный вихрь поблизости возник.

И листва очнулась от дремоты,
Голубей смело за окоем.
Показалось: я — аэродром,
Что примять не в силах самолеты.

* * *

От солнца раскидистой кроны навес
Не даст нам желаемой сени:
Остригли деревья, как будто овец,
И нет под деревьями тени.

В морщинах земля от июльской жары,
И травы окрест как из жести,
И ветра не слышно — за гребнем горы,
Похоже, пропал он без вести.

* * *

Меня, о море, шум твой не гнетет,
И кажется, что, отходя ко сну,
Готов блаженно ночь всю напролет
Проспать, под щеку подложив волну.

И Дмитрий Гулиа любил на склоне дня
Внимать волнам, седевшим на бегу,
Когда умру я — место для меня
Пусть на твоем найдется берегу.

* * *

Клянусь, не счесть и с помощью цифири
Всех пишущих стихи в подлунном мире.
Влюбленные нанизывают строки,
Хоть не стремятся угодить в пророки.

И где-то вновь на шаре на земном
«Грешит стихами» — скажут об ином.
Пусть будет сочинителем стихов
И тяжелее не творит грехов.

* * *

Я иду вдоль берега Кодора,
Чья вода от ярости седа,
Волн его воинственного спора
Не утихнет рокот никогда.

Пусть гремит он, будто бы кольчуга,
Что мечу не хочет уступать,
Только б не кидались друг на друга
Люди, волнам бешеным под стать.

* * *

Повсюду прослыв знаменитым,
Почти неподвластный годам,
Отделан абхазским самшитом
Парижский собор Нотр-Дам.

Где в небе вершины, покоясь,
Умеют оттачивать глаз,
Самшита железную повесть
Над Бзыбью я слышал не раз.

* * *

Амбары у желтой долины
Стоят, кукурузой полны.
При виде знакомой картины
Опять корабли мне видны.

И кажется, в бухте пред взглядом
Они принимают возы,
II волны, что плещутся рядом,
Желтеют, как после грозы.

* * *

Коровы сытые в ночи
Жевали жвачку, и во мраке
Лишь поднимали лай собаки,

Взвизался огонек свечи.

И мать несла над головой
Свечу решительно в коровник,
И волк — тревог ночных виновник
Бежал ни мертвый, ни живой.

* * *

От зноя все раскалено,
Земля морщинистою стала
И молит небо, чтоб оно
Скорее дождь ей ниспослало.

И появилась на границе
Земли и неба туча днем,
Подобно дойной буйволице,
Чье вымя полнится дождем.

* * *

Кровь от крови, плоть от плоти
Человек сродни земле.
Шар земной всегда в полете:
Держит путь он в звездной мгле.

Мчит планета под наклоном
По извечному пути.
Жизнь — движенье, и дано нам
В землю, кончив век, сойти.

* * *

Дерев могущественней всех,
Знакомый с тучами и громом,
Всегда раскидистый орех
Стоит перед абхазским домом.

И не страшна под ним жара,
Он плодоносно вскинул ветви,
Весь век с хозяином двора
Соперничая в долголетье.

* * *

У абхазцев имеется мненье:
Пришлый вор — наименьшее зло,
Потому что собаки селенья,
Лай подняв, опознают его.

Ночь темна, если в тучах небесных
Скрылся свет ясноликой луны,

И на вора, когда он из местных,
Псы не лают, хоть трижды умны.

* * *

В камине выстрелы звучали,
Как будто был в нем самопал.
А если искры угасали,
Он, как простуженный, чихал.

С моим лицом почти что вровень
Пылали жертвенно дрова,
И тайной был язык жаровен,
И дым искрился, как молва.

* * *

Велик заботам нашим счет,
Проходит жизнь в заботах этих,
И среди всех людских забот
Забота первая о детях.

Душа печется день и ночь
О них година за годиной,
Пока не станет сын мужчиной,
Пока не выйдет замуж дочь.

* * *

Родился я в разгаре февраля,
Когда у нас кончаются морозы,
Отец мой подрезал в то утро лозы,
Они сгибались, инеем пыля.

И ныне при цветении мимозы,
Когда окрест прощаются с зимой,
Мне кажется, что день рожденья мой
Знак подает, чтоб обрезали лозы.

* * *

Снег великий в Абхазии выпал впервой
За три года до гервой войны мировой!
И от этого снега крестьянская память ведет
Снежным уровням свой ежегодный отсчет.

В субтропических рощах выводятся рано птенцы,
Наливаются солнцем лозы виноградной сосцы,
И молю небеса я — Абхазии верный слуга,
Чтобы земли ее обходили большие снега.

* * *

В горах, где луг альпийский в росах,
Когда ваш возраст невелик,
Не подносите старцу посох,
Еще обидится старик.

Вам стремя след подать седому
Вблизи от Млечного Пути,
А посох — парню молодому
На всякий случай поднести.

* * *

На рассвете будят лес
Птичьи песни, птичьи трели,
Сколько птицы бы ни пели,
Слушать их не надоест.

Под шатром родных небес,
Где шумит листва резная,
Здравствуй, чудо из чудес,
Филармония лесная!

* * *

Как много рыб водилось в пашей речке,
Которая несется с родника,
Их спины были в золотой насечке.
Не оттого ль светилася река?

И там, где берег в каменистых глыбах,
Я нынче, как о юности в тоске,
О самоцветных вспоминаю рыбах
В незамутненной ледяной реке.

* * *

В пору стужи и недуга,
Гор иль долов посреди,
Без надежды, дома, друга
Быть, судьба, не приведи.

Был бы отчий дом, как прежде,
Был бы верный друг в пути,
Чтоб и ночью при надежде
Мог ты пропасть перейти.

* * *

Признаться должен, что у нас в Апсны
Еще поныне редкостны слоны.
Мальчишками на буйволах в наш век

Немало мы преодолели рек.

И в голову не приходило мне,
Что в Индии мой сверстник на слоне
Пускался в путь, забавою влеком,
Как я в Апсны на буйволе верхом.

* * *

Поднял вновь под звездным сводом
Я над морем лунный рог:
— Море, друг мой, с Новым годом,
Родич воли и тревог!

Вечных волн твоих страницы
Прочитать не каждый смог,
На одной лежат границе
Берег твой и мой порог.

* * *

Весна, перемахнув хребет,
Явилась вновь, теплом дыша,
И, как возврату юных лет,
Ликует, потеплев, душа.

Звени, звени, напев ручья,
Цвети, долина, радуй взор,
Быть может, молодость моя
Ко мне явилась из-за гор?

* * *

Людская память — это книга,
Где нет начала и конца,
Над ней годов невластно иго
И злонамеренье писца.

Что ей костер, что ей темницы,
Что ей хула, что ей запрет?
В ее нетленные страницы
Впечатались и тьма и свет.

* * *

Всю ночь сегодня снег валил,
Вершины, долы и овраги
Он первозданно побелил
И лег, как будто лист бумаги...

Ни буквы нет, ни знака нет
На нелинованной бумаге,

Что словно излучает свет,
Напоминая нам о благе.

Окрест все ново и старо.
И снова с чувством оробелым
Перед листом бумаги белым
Беру послушное перо.

* * *

День — это повесть в переплете зорь,
И снова сообща ее мы пишем
Там, где порой разгоряченно дышим
И на рубахах ощущаем соль.

Рождаются страницы бытия,
И, схожая с магическим кристаллом,
Наделена значением немалым
В них каждая из букв от «А» до «Я».

И об одном я знаю наперед —
Что эта неприкрашенная повесть,
Написанная, кажется, на совесть,
Украсит сборник под названьем «Год».

* * *

Вдали хребты Абхазии родные,
Мне кажется, когда смотрю на них,
Что это не вершины снеговые,
А долгожители сошлись седые,
Чтоб помолчать о временах былых,

Над ними вдаль плывет столетий дым,
И хоть, быть может, мне и не по чести,
Но о былом и сам я с ними вместе
Вздыхаю и молчу подобно им.

* * *

Стояли, велики и тяжелы,
Старинные часы со звонким боем.
Они тащили время, как волы,
Иль время их тащило за собою.

И все-таки невечны и они,
Хотя из бронзы сделаны и стали.
Они так много за былые дни
Секунд, минут, часов пересчитали,
Что вдруг устали, вздрогнули и встали,
Лишь время вечно, а не шестерни.

* * *

И солнцу положить конец пришлось
Своим трудам дневным, трудам немалым,
Зашло оно и где-то улеглось,
Укрывшись морем, словно одеялом.

И вышли звезды. Тысячами глаз
Они глядят с небес, чтобы, покуда
Спит солнце до зари, никто из нас
Ему не сделал худа.

* * *

Разве море Черное черно?
Черноты мы в нем не замечали.
Или было черным и оно
В некий день, когда давным-давно
Это море Черным нарекали.

Я решать загадок не умею,
Но, быть может, были времена,
Что от крови и от слез Медеи
Стала моря гладь черным-черна.

* * *

Всю жизнь свою и в радости, и в горе
Я жил на море у подножья гор.
Что мне дороже: горы или море,
Я сам не понимаю до сих пор.

Вопросом этим ты мне, друг, упрямо
Не докучай, ведь то, что ты нудишь,
Еще глупей вопроса: «Кто, малыш,
Тебе дороже: папа или мама?»

* * *

Ты, солнце, утром светишь нам и днем,
Ласкаешь и низины, и высоты.
И даже, уходя за окоем,
Ты не лишаешь нас своей заботы.
Ним посылаешь в пору темноты
Ты дочерей своих на небо чудно,
Чтоб звезды нам светили, хоть и скудно,
Покуда вновь не засияешь ты.

* * *

Забыта мать забывчивого чада.
Нет на могиле камня, нет письма,

Сгнила давно ольховая ограда,
И щиплет скот траву с ее холма.

О, если бы могла ее рука
Сравнять свой холм, скрыть от людского ока;
Тем оградить от правого упрека
Ей неблагодарного сынка.

* * *

Обманывалась слава, и не раз,
И памятник сооружала где-то,
Чья медь была значительней подчас
Наследья знаменитого поэта.

Поэт, что был когда-то знаменит,
Забыт, а памятник стоит тоскливо
И новым поколеньям говорит,
Как слава иногда несправедлива.

* * *

Не может быть иначе,
Ведь говорят у нас:
«То сердце, что незряче,
Страшней незрячих глаз!»

Слепые сердцем люди
Век проживут впотьмах,
Хоть и два солнца будет
Гореть на небесах.

* * *

Учить и поучать мне не дано,
Мне слыть «рекущим истину» не лестно,
И все же поучение одно
Я выскажу, хоть и оно известно.

То, что должны мы знать, как дважды два,
Я повторю, нисколько не робея:
«Хваля живых, скупитесь на слова,
Хваля ушедших, будьте пощедрее!»

* * *

Здесь испокон веков уж так ведется:
На черное не скажут, что бело,
И слово, порождающее зло,
С неумных уст ничьих здесь не сорвется.

Пред кем-то голову склонять в почтенье

Здесь никому не могут повелеть.
Разве что сам придешь ты в сад осенний
И склонишься, чтоб грозди не задеть.

* * *

Младенец в колыбели — словно бог,
Неукоснительны его веленья.
На зов его бегут, не чуя ног,
Быстрей, чем богомольцы на моленье.

Недарим говорят, что некий князь
В тот дом, где новорожденный абхазец,
Не рисковал войти, того боясь,
Что в доме кто-то есть почетней князя.

* * *

Цветы растут не только на земле,
Весною пробивает снег подснежник,
Порой цветы восходят на скале,
И рассекает камни стебель нежный.

Цветы растут во льдах, на дне морей
И на стенах угрюмых крепостей.
Но лучшие из всех цветов земных —
Те, что цветут в сердцах, в сердцах людских.

* * *

Я стен не возводил, не строил башен,
Чтоб оградить себя, не тратил сил,
Мой скромный дом, что не был полной чашей,
На крепость никогда не походил.

И пусть считают все: я жил нелепо,
Что я не защищен, моя вина.
Мои стихи пусть не дворец, не крепость,
По мне они — защитная стена.

* * *

Все повторимо в нашем мире старом:
Здесь снова осень, опадает сад.
Закончилась страда, полны амбары,
С деревьев листья желтые летят.

И полумесяц в темном небе странен,
Висит ли он во тьме, задравши рог,
Иль это, от страды устав, крестьянин
Свой серп повесил и вздремнуть прилег.

* * *

Чтоб мир, уставший от зимы, согреть,
Пришла весна и власть провозгласила,
Тех разбудила, что способен петь,
А мне как будто детство возвратила,

Лучи весны бегут, как скакуны,
Их пьет земля и вдаль уносят реки.
И кажется, на свете ни войны,
Ни бед, ни горя не было вовеки,

* * *

Есть сходство между словом и огнем:
Не жить ни без того, ни без другого.
Есть сходство между словом и огнем:
Огонь всесилен и всесильно слово.

Есть сходство между словом и огнем:
Огонь опасен и опасно слово,
И потому ты не шути с огнем,
Не молви даже в шутку слова злого.

* * *

Обо всем написано стихами,
Сказанное надо ль повторять?
Почему же я не сплю ночами,
Черкаю слова и рву тетрадь?

Нового никто сказать не может,
И стихи — пустая трата слов,
Все давно написано, и все же
Не могу я не слагать стихов.

* * *

Опять гроза свирепствовала ночью,
Тяжелый гром над морем громыхал.
Казалось, разрывал он небо в клочья,
Полотна туч в лохмотья превращал.

Была гроза, и ночь была темна,
И то и дело молния сверкала,
Казалось: нитью красною она
Лохмотья неба рваного сшивала.

* * *

Что ни спросить, речь дурака готова,
Ее прервать удастся нам навряд,

А мудрецы, те взвешивают слово
Иль вообще молчание хранят.

Порою все грешим мы речью праздной,
Не понимая, что наверняка
Молчанье мудреца умней гораздо,
Чем словоизверженье дурака.

* * *

Иная птица людям доверяет,
И ласточка для птенчиков своих
Вблизи жилья людей гнездо свивает,
И, веря людям, не боится их.

Спасибо ласточкам, что с нами дружат,
И к людям обращаюсь я сейчас,
Я говорю: «Старайтесь быть не хуже
Того, что птицы думают о нас!»

* * *

На лугах в горах родного края
Снег обмяк, весна недалека,
И плывут по небу облака,
Травы горных склонов приминая.

Мне дано одно виденье в дар:
Кажется, что по небесной сини
Облака плывут, а я за ними,
Как пастух, со множеством отар.

* * *

Вновь я думаю, на горы глядя:
Вы познали за некраткий век
Столько бед, что поседели пряди
Ваших родников и ваших рек.

Этих бед несчетных вереницы
Опалили вас, но не сожгли,
И рубцы веков на ваших лицах
Изменить их облик не смогли.

* * *

Предок мой скакал на бранном поле
За врагами вслед, горяч и смел,
И не то чтобы не знал он боли,
В ней себе сознаться он не смел.

Раненый, от боли не стонал он,
Ран приняв не мало на веку,

Если от занозы опухала,
Ногу он простреливал, бывало,
Чтоб ей не болеть по пустяку.

* * *

Остывает солнце постепенно,
Утихает даже листопад,
И в листве опавшей по колено
Голые ольшанники стоят.

Ежится, как будто замерзая,
Опустелая земля вокруг,
Словно лето вслед за птичьей стаей
Улетело в Африку, на юг.

* * *

Я стою над речкой нашей горной,
Почему-то названною черной.
Сколько лет я не могу понять:
Кто решился так ее назвать?

Речка, наподобье прочих рек,
Всех, кто хочет пить, поить готова.
Эта речка ничего такого
Не свершила черного вовек.

* * *

Уже пьянит сады весенний хмель,
И тихо в белоснежном одеянье,
Чуть приподняв подол, идет апрель,
Как девушка на первое свиданье.

Апрель идет, не торопясь, боясь,
Чтоб в небе солнце туча не затмила,
Чтобы оставшаяся с марта грязь
Собой его одежд не очернила.

* * *

И мертвый камень наделен душой,
И боль терпеть он обречен, как люди,
Ведь камень тоже порожден землей,
Его сжигает зной и холод студит.

И если камню видеть сны по силам,
Пусть видит он лишь радостные сны.
Печальны быть на свете не должны
И камни, кроме тех, что на могилах.

* * *

Кто б на свете сетовал на ветер,
Если бы он листья не срывал,
Кто б на свете сетовал на ветер,
Если бы он пыль не поднимал.
Право же, никто на белом свете
Никогда б не сетовал на ветер,
Если б птиц с пути он не сбивал.

Если бы не причинял он горя
Многим обитателям земли,
Если бы не будоражил моря,
Не топил бы в море корабли.

* * *

Сыпя брызги и вздымая пену,
Неспскойная бурлит вода,
Режет море молния мгновенно
И скрывается бог весть куда.

Исчезает молния, не медлит,
Словно действуя из-за угла,
Чтобы не попасть в свою же петлю,
Жертвой ставши собственного зла.

* * *

Пришла на Рицу ранняя весна,
И в благодатном крае без отсрочки
Все вдруг переиначила она:
Лед растопила, распустила почки.

Фиалки, что таились до сих пор,
Свои головки миру показали,
Как будто бы они всю зиму спали
Под буркой снеговой в постели гор.

* * *

Речки дорогой моей земли
Каменными сжаты берегами,
Как по Волге, по Днепру и Каме,
По волнам их быстрым кораблi
Не плывут с зажженными огнями.

В том, что речки узки, горя нет.
Впрочем, это их и не тревожит,
Ибо пенятся их волны тоже
Черноморским кораблям вослед.

* * *

Неуклюжая моя строка,
Первая, что я сложил когда-то,
Ты киваешь мне издалека,
Укоряешь тем, что плоховата.

Ты всю жизнь преследуешь меня,
Так джигиту слышится поныне
Храп далекий первого коня,
Что его когда-то наземь скинул.

* * *

Кто молнию первым к земле притянул — и когда?
Не дуба ли этого мощного предок могучий?..
И молния та просверкала, рожденная тучей,
И дуб подожгла, на земле поселясь навсегда.

С тех пор, от вершины к вершине направив пути,
Идет человек... И, сменяясь, спешат поколенья,
Мне кажется: все, собираясь огонь развести,
Несут к очагу стародавнего дуба поленья.

* * *

Когда иные рвутся к звездным далям —
Все безразличен взгляд его пустой...
На жемчуг, что с морского дна достали,
Он смотрит, как на камешек простой.

И солнце в полдень для него не светит,
Не колосятся травы на лугу...
Что ж, тот, кто не захочет, не заметит
Камней на каменистом берегу...

* * *

Как метался конь в проулке тесном!
Взмыленный, он рвался на простор —
Взмыть, подобно птице поднебесной,
Вдаль лететь, затеяв с ветром спор...

Ограждать пространство вздумал кто-то,
Путь закрыть велением своим...
Как простор небесный — самолету,
Так земной — коню необходим...

* * *

Немыслимым был он — твой шум на рассвете,
Ты ставнями грохал, ты сеял раздор

Средь трав и кустов... Я бранил тебя, ветер.
И ставни открыл я, и глянул во двор:

Пылала, вставая, заря над горами,
Пожаром огонь полыхал на ветру...
Я понял: ты, ветер, раздул это пламя.
Чтоб сжечь без следа темноту поутру.

* * *

Есть слово — и у правды, и у лжи:
Всего одно — скажи иль удержи...
Ложь ищет середины золотой,
Вступает правда без оглядки в бой.

У лжи на протяжении веков
Есть сто путей, сто уст, сто языков.
И думаю: наверно, неспроста
У правды испокон — одни уста.

* * *

Полночный ветер, что шумишь невесело,
Безжалостно деревья гнешь в дугу?
Ночь вывела тебя из равновесия,
Шаль на тебя накинув на бегу...

И ты, ослепнув, ночи мстишь за это —
Ломаешь ветки, стекла бьешь в домах,
С ночною мглой ты бьешься в жажде света,
Ты прав: ты не желаешь жить впотьмах!

* * *

Разве сердце может быть без крыльев?
В это я не верил никогда.
Испокон недаром говорили:
Сердце вылетает из гнезда...»

По небу надежды сердце мчится,
Остановишь — и оно мертво...
Так лететь бы и лететь, как птице,
Мне на крыльях сердца моего!

* * *

Иным — на пользу изобилье,
Что выявит их тайный свет.
Другие — блекнут от бессилья:
Избыток только им во вред.
Иным — на пользу сила служит,
Их украшая всякий миг,

Другие — от нее недужат, —
Мощь только подавляет их...

Со словом песня неразрывна,
Они сливаются в одно,
Но их достоинства измерить
Единой мерой не дано:
Ведь песня обретает в хоре
Могущество и высоту,
А слово в шумном разговоре
Свою теряет красоту.

* * *

Охраняйте бессонно
Границы сердец,
Охраняйте их,
Как на заставе боец.
И, открыв их, следите
Как следует — в оба,
Чтоб туда не плеснули б
Ни горя, ни злобы.

Вы свои уважайте,
Храните сердца,
Чтоб им долго стучать,
Не предвидя конца.
Чтоб достичь им
Невиданного долголетья,
До краев, дополна
Вы в них радость налейте!

* * *

Кйаилось бы: ну, что такого?
Промчались кони по селу.
Пылится па земле подкова,
Никем не поднята в пылу...

Ах, далеко умчались кони!
И понял я, что никому
Не нужен буду также, коли
Любви, и делу своему,
И долгу изменю... Тогда мне
Моей знакомой стародавней
Подковой, что приметил я,
В пыли остаться забытья.

* * *

Голубь на ладони у меня.
Смотрит даль в глаза ему, маня.

Грудь его такой голубизны,
Как глаза ребенка и весны.

Встрепенулся вдруг он и взлетел.
И небес раздвинулся предел.
Опустела, зависть затая,
Как аэродром, ладонь моя.

* * *

Море спит в своей мягкой постели
Возле самой калитки моей.
Дни летят, как веками летели
Белопенные волны морей.

И летит где-то песня, что спета
Возле моря, где жить мне дано.
И летит где-то в небе ракета,
И летит тонкий лучик рассвета,
Отворяя для утра окно.

И летит надо мной, где-то рядом,
Жизнь свою погасив навсегда,
Под моим улетающим взглядом —
В исполненье желаний — звезда...

* * *

Я на вершину поднялся Чегета,
что снежными цветами славит лето.
Плыл вдаль туман белесой пеленою.
И вдруг Эльбрус открылся предо мною.

Так вот она, гора — мечта и радость!
Жить рядом с ней нельзя, понуро горбясь.
Весь небосвод до самых далей млечных
светлее от снегов Эльбруса вечных.

Стоял передо мной Эльбрус великий,
как неоткрытый памятник Сасрыкве,
с которого, большого небывало,
снять не успели нарты покрывало.

* * *

Проснулся я перед рассветом
И вышел из дому... Точь-в-точь
Как в юности, далеким летом,
Вздыхая, отступала ночь.

Проснулся новый день со мною,
Зарделись облаков края,

И мне казалось: с сединою
Простившись, встретил юность я.

* * *

Я в зеркала смотреться не хочу,
Заметив как-то, что неумолимо
Льнет серебро к весеннему лучу...
А годы все быстрее — мимо, мимо!

О седина, хочу тебя спросить:
Что делать мне с тобою? Чем скосить?
Еще я не готов на мир часами
Смотреть твоими белыми глазами!

* * *

Земля для семени распахнута
Всем естеством и всем нутром.
Чтоб проросло оно, распахана
Земля надеждой и добром.

Храню, как самое заветное,
Завет отцов в своей судьбе,
Чтоб правды семя неприметное
Я, как земля, взрастил в себе.

* * *

Дует ветер. Дует сильный ветер.
Ветер обворовывает ветви,
Листья оборвав, швыряет оземь...
Осень наступила. Осень, осень...
Вот и годы, словно этот ветер.
Задувают годы все на свете:
Птиц, людей... Как будто негодуют,
Как на ветви ветер, дуют, дуют...
Торопливо и неутомимо.
Жизнь, как с ветки лист, смахнут и — мимо...

* * *

Ты бродишь по горам. Ты пьешь настой
Альпийских трав. Тебя пьянят просторы.
Но если ты измучен красотой,
Ты скажешь: «Хватит!» — и покинешь горы.

Художник, ты рисуешь водопад.
Но если не находишь нужных линий
И краски все ложатся невпопад —
Кто запретит тебе? — ты кисть откинешь.

Ну, а полюбишь, — радость иль беда,
Светло тебе, тревожно или больно, —
Ты все равно не сможешь никогда
Сказать любви: «Как я устал! Довольно!»

* * *

Одни свою весну встречали летом,
Когда от зноя трескалась земля,
Другие — с зимним медленным рассветом,
Когда продуты холодом поля.
А третьи — той осеннею порою,
Когда цвела под окнами печаль.
А я свою весну встречал весною,
Когда зеленым ветром пела даль.

* * *

Как будто вражеский десант,
внезапно седина осела
в моих курчавых волосах
и сразу принялась за дело.
Но пряди черные мои
своих позиций не сдавали
без боя... С боем отступали,
покамест все не полегли.

* * *

На темный гребень
яркая звезда
взобралась воровато,
как лазутчик,
на мир взглянула,
и мгновенный лучик
блеснул, как знак,
о том, что без труда
возможна будет полная победа,
что, мол, беспечен этот враг и прост...
И высыпала вдруг армада звезд
и без сраженья
захватила небо!

* * *

Скрылось за гору солнце,
и птиц не слыхать...
Тени трепетные сгустились.
Хорошо после трудного дня отдыхать...
Огоньки в селе засветились.
Но с вершин Ерцаху,
словно вызов мгле,

счет отмеривая секундам,
капля солнца светится на скале —
зацепилась каким-то чудом.

* * *

Скал немые громады
глядятся в озерное лоно,
словмо могучие нарты,
толпятся завороженно.
Время им угрожает,
но скалы сильны и юны...
Рица их отражает,
словно заркальце Гунды.

* * *

Да, мемало сдержали мы слез,
слез,
насыщенных болью и гневом,
в том далеком году сорок первом,
в дни,
когда отступать довелось.
Почему же не плакали мы?
Просто некогда было поплакать,
было принято слабости прятать,
Подождать окончанья войны.
Но зато в сорок пятом году
Чувств своих мы уже не таили —
сколько слез облегченья пролили,
не стесняясь, у всех на виду...

* * *

Давно ли виделись с тех пор?
И вот опять я за грядою.
Глубокой, вечной думой гор
Лежишь ты, Рица, предо мною.

Косынки-тучки
Просто чудо!
Таких не видел я нигде.
Как будто их стирает Гунда
В твоей заоблачной воде.

* * *

Облака по небу расползлись,
рядышком друг с другом улеглись,
солнышком согретые, уснули...
Но когда их грохот разбудил,
молний блеск внезапно ослепил,

от испуга,
бедные,
всплакнули.

* * *

Сам себе улыбнешься не часто —
для чего улыбаться себе, —
это явственный признак несчастья,
одиночества в грустной судьбе.

Без друзей молчалив ты, как рыба,
и, лишенная дружеских чувств,
без друзей умирает улыбка
по краям озабоченных уст...

* * *

Мы на утлой лодчонке плывем —
не поймешь —
то ли в небе, то ль в море,
в мировом бесконечном просторе
мм летим,
растворяемся в нем.
А навстречу, на солнце искрясь,
проплывают красавицы рыбы,
существа,
что наладить могли бы
между нами и вечностью связь.

* * *

Зима медведем белым
на гору взобралась,
своим громадным телом
на скалы улеглась.
Хотелось бы в долину
ей проложить пути,
такую холодину
с собою принести!
Пока она в сомненьях
решает, что и как, —
приметы дней весенних
возникли на глазах.

* * *

Вот и выгорела трава...
Кукурузные листья пожухли.
Без движенья стоят дерева,
и земля горяча,
словно угли.

Но послушай:
откуда-то с гор
вдруг доносится звук разговора.
Это значит —
спасительный гром
разворчался в верховьях Кодора,
угрожая июльскому зною:
— Берегись!
Я прибуду с грозою!

* * *

Разучилась смеяться природа,
и, склоняя ее к забытью,
во дворы ворвалась непогода,
заскрипели калитки вовсю.
Пожелтели зеленые лозы,
почернел отцветающий сад...
Дунет ветер — и желтые слезы
вслед за ветром далеко летят!
А в саду — то затишье,
то трепет.
Погружаясь в глубокие сны,
остывают растенья,
но терпят,
знают:
надо дождаться весны.

* * *

Сентябрь...
Как черные дрозды,
уселись гроздья винограда
на ветви...
Желтые сады,
их ароматные плоды
венчают лето,
как награда
за труд крестьянам...
Двери школ
открыты...
Детвора с цветами
торопится...
А воздух гор
уже пронизан холодами.

* * *

Стихотворенье родилось
не где-нибудь,
а в самолете.
Не вовремя,

но вы поймете,
что роды принимать пришлось.
Зерно рождается в земле,
а водопад в горах родится,
родится рыба в глубине,
птенца в гнезде выводит птица.
Но только слово на устах
и прихотливо и свободно,
оно родится где угодно —
в лесу,
в постели,
в небесах...

* * *

Улетают птицы суетливо,
отцветают поздние цветы,
потемнела прибранная нива,
почернели голые кусты.
Ветер забирается в подъезды
греться человеческим теплом...
Люди прячут летние одежды
и грустят,
вздыхая ни о чем...

* * *

Радость открытий,
радость дорог
и неизведанных мест.
Я не подвел дорогам итог,
знаю — не надоест...
Броды и тропы...
Долог мой путь,
манит меня земля.
Знаю,
что срок придет отдохнуть,
ну, а пока — нельзя.
Только бы не забрести в тупик,
простоять до утра,
только бы не сказал проводник:
— Хватит!
Сходить пора!

* * *

Когда беда тебя найдет,
когда, над домом разражаясь,
зарница грозная блеснет —
не убегай в кусты, как заяц.
Спаси свой дом. Спаси свой сад.
Будь им опорой и защитой.

Почувствуешь себя мужчиной.
Достойней — не найдешь наград.

* * *

О поэт!
Новой песни мы ждем.
Мир поющий
Всегда тебе рад.
Днем и ночью
И ночью и днем
Ты растишь свои песни, как сад.
Мы тебя называем отцом,
Это значит,
Что любим всегда...
Песня тоже родится птенцом,
Но, как птица, летит из гнезда.

* * *

Солнце за море уходило,
Избавившись вновь от хлопот и дел.
Как парашют, опустив светило,
Над морем тихо закат сгорел.
В думах своих, тяжело и немо,
Темный лес грустит вдалеке.
По ушедшему солнцу заплакало небо
И звезды — слезинками по щеке.

* * *

Солнца снова всю ночь не будет,
Тихо вокруг — и вблизи и вдали.
Даже куда-то пропали люди,
Будто солнце искать ушли.
Но грянет заря, и природа проснется,
И мир засияет, спавший во мгле.
И вновь из-за гор поднимается солнце
В поте лица торопясь к земле.

* * *

Лоза убегает от сырости,
Ползет по дереву — не остановить.
Хочется ей поскорее вырасти,
Чтобы к солнцу поближе быть.

Изабелла. Она счастливица!
Как очи, горят ее гроздья во мгле.
Чем выше к солнцу лоза поднимется,
Тем крепче держится на земле.

* * *

Пускай негромок голос у поэта,
Нет шума возле имени его.
Но песня, что им искренне пропета,
Спокойным не оставит никого.

Она, как речка, мчащаяся к югу.
Среди камней прокладывает след.
Хотя и не шумит на всю округу,
Зато воды прозрачней в мире нет.

И пусть она на карты не пробилась,
Но ты ее за скромность не кори:
Абхазия в той речке отразилась —
От горных круч до утренней зари.

* * *

Мне страшно: в сердце — тишина,
и слово там — немое,
и тяжелеет седина,
как ледники зимою.

А если это — навсегда?
Но слышу голос вещий:
Царит безмолвие, когда
вот-вот гроза заблещет.

* * *

Мне глядеть на вас чудно и чудно,
Светлые дворцы моей Пицунды!
Словно бы громады-корабли
Прямо с моря на берег взошли.

Встали в соснах к вечному причалу
Эти океанские суда...
Ветер злился. Море штормовало.
Синевой земля околдовала
И зачаровала навсегда.
Мне глядеть на вас чудно и чудно,
Светлые дворцы моей Пицунды!

* * *

Меня разбудило море —
волна ворвалась в окно,
Ветер гремел осколками,
гулко гудели стены.
Я вышел, и я увидел,
как мучается оно,

Как синие его очи
густо заливает пеной.
Над ним потрудилось время,
шквал его донимал,
и были седыми волны,
выцветшие под старость.
А море не унималось,
а море за валом вал
сбрасывало на берег —
и старости не сдавалось.

* * *

Изабелла — южанка,
ей на солнце не жарко.
Изабелле без солнца
нельзя.
Вот и тянется к свету
с ветки на ветку,
по стволу вековому,
скользя.
Покажись, Изабелла!
Как жизнь, Изабелла?
И на каменный выступ
окна
взобралась и запела
моя Изабелла,
от любви и от солнца
пьяна...

АБХАЗСКИЕ СТРОКИ

I

* * *

И в светлый час его, не в час печали
Пусть друга оградит твоя рука,
Чтоб беды всякий раз исподтишка
Час светлый в черный час не превращали.

* * *

Вот магь идет, согбенна от трудов,
От множества детей, рожденных ею,
И так всегда: обилие плодов
Сгибает ветки тяжестью своею.

* * *

Пусть бездомен ты и небогат,

Пусть в твоем котле одни лишь кости,
Все же будь любому гостю рад:
Радость к нам приходит вместе с гостем.

* * *

Сильному усердьем не служи,
Угождая только из корысти,
Слабому услугу окажи,
Совесть, может быть, свою очистишь.

* * *

Содеял человеку зло когда-то —
Его расположенья не вернешь.
На землю пролил воду из ушата,
Ее с земли уже не соберешь.

* * *

Коль нет словам конца и края,
Значенья слов не доискаться,
Когда смеются не смолкая,
Глаза смеющихся слезятся.

* * *

Бесконечен белый свет,
На вершинах гор все бело,
Времени скончанья нет,
Нашей мысли нет предела.

* * *

Быть может, твой колодец и глубок,
И широка тропа к нему, а все же,
Коль нету в нем воды, какой в нем прок,
Ничью он жажду утолить не может.

* * *

Упрямцу и докажут, что не прав,
Он все же продолжает спорить с нами.
Бодливая корова, и упав,
Не может перестать бодать рогами.

* * *

С хорошим раздели соседом
Свое добро и свой доход.
А что делить с плохим соседом?
Он, что захочет, сам возьмет.

* * *

Вор именем клянется божьим,
Да вскоре все начнет сначала.
Змея, быть может, сменит кожу,
Но не избавится от жала.

* * *

Всему и место есть и час,
Не может в жизни быть иначе.
Пускаются на свадьбах в пляс,
А на поминках люди плачут.

* * *

Возвысишь сам себя в глазах людей,
Своих друзей от сердца восхваляя,
А станешь унижать своих друзей,
Унизишь сам себя, о том не помышляя.

* * *

Когда разделены талант и честь,
Обычно ни таланта нет, ни чести.
Но если эти свойства слиты вместе,
Они прекраснее всего, что есть.

* * *

Случиться может где-то. Где? Бог весть,
Ты клад увидишь, бросив взгляд под ноги,
Но славу, имя доброе и честь
Не подберешь ни на какой дороге.

* * *

Вот ты опять мне говоришь сурово,
Мол, сердцем должно мне писать.
Ты прав, но чтоб понять такое слово,
И сам ты сердцем должен обладать.

* * *

Поверить сам в себя, по крайней мере,
Обязан ты, ведя кого-то в путь,
А если ты и сам в себя не веришь,
Тебе поверит вряд ли кто-нибудь.

* * *

«В небеса стихи должны стремиться,
Строки ввысь должны взлетать, как птицы!» —
Так редактор мой — он слыл бывалым —
Говорил и крылья обрезал им.

* * *

Доктора кромсают нас и колют,
Правду режут нам друзья подчас,
Как нам много причиняют боли,
Думая спасти от боли нас.

* * *

Пусть над судьбой никто не властен,
Но не бывает счастлив тот,
Кто ради собственного счастья
Другим несчастие несет.

* * *

Пусть лжец, всем приносящий столько зла,
Днем прячется, чтоб не встречаться с нами.
И потому, наверно, что лгала,
Днем спит сова и бодрствует ночами.

* * *

Иной одет других богаче,
И все же грош ему цена.
Пусть в золоте седло на кляче,
Ей далеко до скакуна.

* * *

Улыбнется кто-то, свету рад,
И весь мир как будто станет лучше.
Кто-то невзначай нахмурит взгляд,
И тебе на сердце лягут тучи.

* * *

Может даже тот, кто и ничтожен,
Стать причиною вражды большой.
Сумрачная туча вызвать может
Гром вражды меж небом и землей.

* * *

Чем в дни народных бедствий людям хуже,
Тем кто-то может большее урвать.
Когда в часы ненастья грязь и лужи,

Червям раздолие и благодать.

* * *

Умней других тот человек, который
Добился многого своим трудом.
Всегда бывает так: чем выше дом,
Тем глубже вбиты для него опоры.

* * *

Дурак, он человек болтливый,
Муж молчаливый, тот умней.
Бывают реки в день дождливый
Чем мелководней, тем шумней.

* * *

Оружье, если устареет,
Его сдадут на слом или в музей,
А слово мудрое не заржавеет,
И будет жить вовеки средь людей.

* * *

Честь береги свою, что б ни случилось,
А если, друг мой, не хватило сил
И совесть на пустой посул польстилась,
Всему, что есть вокруг, сдалась на милость
Считай, что сам себя ты погубил.

* * *

Счастья мы не обретем
От несчастия чужого.
Ненадежен счастья дом,
Коль несчастье чье-то в нем
Основа.

* * *

Что б ни было с тобой, умей терпеть,
Сам обуздай себя посредством слова,
Тот, кто себя сумеет одолеть,
Сумеет одолеть врага любого.

* * *

Радости печаль спешит вослед.
Отомстят нам радости былые.
Станет горечью на склоне лет
Радость та, что в годы молодые

Нам с тобою не сулила бед.

* * *

Очень поговорка хороша
У народа нашего речистого:
«Если у тебя чиста душа,
У тебя и руки будут чистыми»,

* * *

Красота дается не навек,
Что цвела недавно, все увянет.
Вечно только то, что ум изрек.
То пословицей иль песней станет.

* * *

Яства плохи или хороши,
Не по вкусу гость их отличает,
Что подаст хозяин от души,
Только то нам вкусным и бывает.

* * *

Свела судьба глупца и мудреца,
И, хоть недолго им случилось знаться,
Устал мудрец от болтовни глупца,
Устал глупец над мудрецом смеяться.

* * *

Пускай мудрец в твое жилище
Приходит, чтоб рассеять мрак.
Ты встречи с мудрецом не ищещь,
Так зачастит к тебе дурак.

* * *

Не возвратить нам юности прекрасной,
Что толку краской волосы чернить.
Когда шаланда в море, то напрасно
На борт хвататься, чтобы не уплыть.

* * *

Лишь тот из нас, кому в труде упорном
Пот на жаре случалось проливать,
Мог оценить и тени благодать,
И вкус воды, холодной, животворной.

* * *

Коль надо в путь идти, и груз немал,
И впереди нелегкий перевал,
Для нас в пути надежный посох лучше,
Чем ненадежный друг или попутчик.

* * *

Лишь в доме, где любовь, там мир и счастье:
Пусть беден дом, он лучше во сто крат
Дворца, где нет ни мира, ни согласья,
Где лишь вражда и ненависть царят.

* * *

Земля хоть и черна, но ты о ней
Заботься, береги ее, жалея,
Ибо нередко, чем земля черней,
Тем дарит нам плоды обильней и белее.

* * *

Слово друга, слово без коварства
Нас излечит снадобья верней.
Лечит нас порой верней лекарства
Ласковое слово лекарей.

* * *

Пусть недруг мудр, тебе он не опора.
Что от его ума тебе перепадет?
Хоть волк и стар, и мудр, но он матерый,
Советов умных овцам не дает.

* * *

В родном краю земля нас бережет,
В родном краю нам нечего страшиться.
Порой в своем гнезде скворец и тот
Сильнее и храбрее хищной птицы.

* * *

Дом друга нам в любую пору благ.
Ты приуныл — иди туда скорее.
Пусть в доме том и не горит очаг,
Тепло хозяина тебя согреет.

* * *

Порой и от богатства нам беда,
И бедность легче мы переживаем.

Порою начинается вражда,
Когда добро делить мы начинаем.

* * *

Чтоб тебе не выглядеть смешным,
Занимайся делом лишь своим!
И не делай никогда чужого.
Как-то спорили немой с немым:
Первым кто из них получит слово?

* * *

Пусть, когда опасность неминуча,
Локоть к локтю встанет весь народ.
Даже к овцам, что собьются в кучу,
Убоявшись, волк не подойдет.

* * *

Земля не терпит белоручек.
Ей не клянись в любви, а лучше,
Любя ее, пролей свой пот,
И от земли сполна получишь,
Она сторицей воздает.

* * *

Кто жизнь свою прожить достойно мог,
Кому-то на веку своем помог,
Тем в старости судьба заботой платит.
Но в старости тот будет одинок,
Кто молодость бог весть на что потратит.

* * *

Говорят не зря: «Для дурака
Собственная голова тяжка»,
Надрываются глупцы бедняжки:
Как ни пусты, головы им тяжки.

* * *

Мудрый муж труда не пожалел,
Преподал урок плохому сыну,
Коль прилежен плотник и умел,
Входит в камень гвоздь, как в древесину.

* * *

Из мудрой речи мудреца хоть слово
Запомни, чтобы не пропало зря.

Ведь даже щепка дерева большого
Дарует нам тепло, в печи горя.

* * *

То, что было в юности утрачено,
В старости найти не суждено,
Сделать то, что в час дневной не начато,
В полночь не успеешь все равно.

* * *

Я хочу сказать, что не всегда
Нам к великому стремиться нужно,
И поэтому любая дружба
Лучше, чем великая вражда.

* * *

Коль собственная жизнь вам дорога,
Не верьте обольщениям врага.
Любой овце, поверившей волчице,
В свое вернуться стадо не случится.

* * *

Хоть, может, ты судьбой возвышен ныне,
Своих былых друзей не позабудь.
И скалолаз, стоящий на вершине,
В низину спустится когда-нибудь.

* * *

Вовек в одном загоне не ужиться
Овце и волку: хоть ты их свяжи,
Как не ужиться на одной странице
И слову правды со словами лжи.

* * *

Право же, не верьте никогда
Без труда хвалящим всех подряд.
Те, что хвалят всех нас без труда,
Так же всех нас без труда хулят.

* * *

Трус носит саблю грозную порой,
И все-таки он трус, а не герой.
Никто осла не назовет конем,
Хоть будет конское седло на нем.

* * *

Есть люди, что могли бы погубить
Все на земле, когда б им дали волю.
Вот так и топору не все равно ли
Пень или чыо-то голову рубить.

* * *

Ум небольшой рождает подозренья,
Рождают подозренья непокой,
Не потому ли суетный такой
Твой собеседник, чуждый разуменья?

* * *

Тот из нас, кто никому не друг,
«Радость, боль — все при себе оставил
И теперь походит на сундук,
Где замок давным-давно заржавел.

* * *

Иной где ни живет, как ни живёт,
Все хвастает по собственной охоте,
Мол, у него нет никаких забот.
Что ж, и лягушка весело поет,
Хоть и сидит в своем гнилом болоте.

* * *

Доброе кому-то сделал дело,
Так вовек не поминай о том.
Туча нам дождя не пожалела,
Но об этом громом не гремела,
Тихо уплыла за окоем.

* * *

Всему и всем своя пора.
Не зря бывает озабочен
Нечестный с наступленьем ночи,
А честный человек с утра.

* * *

Сотворена молва не из металла,
Молва людская — это лишь слова,
Так почему столь многих поражала
Недобрая и ложная молва?

* * *

Тому беда, чье зрение утрачено,
Кому не видны звезды и цветы,
Но то, что сердце у тебя незрячее,
Куда страшней обычной слепоты.

* * *

Коль братья жадны, так не жди добра,
Они в согласии не уживутся;
И две собаки с одного двора,
Когда им кинешь кость, передерутся.

* * *

Пусть тебя сосед обидит твой,
Встань с ним рядом, коль беда случится.
Если видят волка перед собой,
Даже псы и то кончают грызться.

* * *

Пусть бездомен ты и не богат,
Пусть в твоем котле одни лишь кости,
Все же будь любому гостю рад:
Радость к нам приходит вместе с гостем.

* * *

Злой добряком прикинется, быть может,
Но ты подальше от него держись.
Бывает и змея с веревкой схожа,
Да вот попробуй ею повяжись.

* * *

Вода с водою, встретясь, может
Родить обширный водоем,
А встретятся огонь с огнем,
Они друг друга уничтожат.

* * *

Порою нас не удивляет
Смешение добра и зла,
Иго белый хлеб предпочитает
Творящий черные дела.

* * *

Ту похвалу, что заслужил мудрец,
Себе на пользу обратил глупец.

Судьба порой меняет наши роли,
Вот так джигит коня ковать привел,
А ногу поднял невзначай осел,
А кузнецу, кого ковать, не все равно ли?

* * *

Мы истину порой, что не стряслось беды,
Боимся говорить, хотя сказать могли бы.
Свое молчанье тем, что полон рот воды,
Оправдывают рыбы.

* * *

Если добра толики даже малой
На том ты не содеял берегу,
То и на этом берегу, пожалуй,
К тебе мы отнесемся, как к врагу.

* * *

Глядит он ласково на нас,
В ягненка он рядится.
Но вот придет дележки час.
Он в волка превратится.

* * *

Что принято в твоем народе,
Тебя вовек не подведет.
Запомни: и тебе идет
Одежда, хоть и не по моде,
Но та, что носит твой народ.

* * *

Когда мы с вами доживем
До старости на свете белом,
Она отметит нас клеймом:
Удачники ослабнут телом,
А неудачники умом.

* * *

Иной из нас смеется — и не редко —
Над неудачею того, кто мал.
Но что за радость листьям верхней ветки
В том, что на нижней ветке лист опал?

* * *

Лишь тот, кто затемно встает,

Кто пота не жалеет,
Взрастит в саду тяжелый плод.
Он в землю посох свой воткнет,
И тот зазеленеет.

* * *

Коль человек злонравен, то навряд
Его и сладкой речи верить стоит.
Не станет для людей безвреден яд,
Лишь оттого, что на меду настоян.

* * *

Жадный, чтоб ему наесться вволю,
Съесть стремится и чужую долю.
Но пока ловчит, он доловчится,
Что и доли собственной лишится.

* * *

Пусть всяк по-своему живет,
Сказать верней: живет, как может.
Пусть стоя дерево растет,
А дыня пусть тучнеет лежа.

* * *

И ум, и силу ценим мы,
Но ум ценней, конечно:
Дается сила нам взаймы,
Дается ум навечно.

* * *

Пшеничные стебли один к одному,
Согбенные весом колосьев немалых,
Стоят, словно кланяясь низко тому,
Кто поле засеял и жизнь даровал им.

* * *

Родина у каждого одна.
Велика или мала она,
Все равно понятие это свято.
Мать, хоть, может быть, она бедна,
Лучше мачехи, хоть та богата.

* * *

Стервятник пред тобою, может быть,
И провинился в чем-нибудь, но все же

Со зла не надо из ружья палить
В дрозда, лишь потому, что черен тоже.

* * *

Себя неумный выдал с головою,
Ответив что-то или же спросив.
Меж тем как умным кажется порою
Иной дурак, который молчалив.

* * *

Будет долгой жизнь твоя иль краткой,
Так живи, чтоб в твой последний миг
Слезы утирал со щек украдкой
И видавший виды гробовщик.

* * *

Порой слушок, незначащий вначале,
Чудовищным становится потом.
Так снежною зимой, чем катят дале,
Тем больше обрастает снежный ком.

* * *

Всего добьешься силой, все возьмешь,
По две стихии неподвластны ей:
Ты рта и силой правде не заткнешь
И силой не прервешь теченье дней.

* * *

Кто мудр, тому известно: грош цена
Готовой, хоть приветливой улыбке.
Надежду ложную сулит она,
Как правило, ее посулы зыбки.

* * *

В доме собственном жестка кровать,
Но и на такой нам сладко спится.
Ночевать в чужом дому случится —
Хоть мягка кровать, да жестко спать.

* * *

Из нас иные хоть трудиться рады,
Да не выходит дело, как на грех.
Иных из нас в работе ждет успех.
И лишь бездельник требует награды
За то, что он обычно громче всех

Кричит: «Усерднее работать надо!»

* * *

Кто знает, может, в том и нету худа,
Что очень много на земле глупцов.
Исчезли дураки, случись бы чудо,
Кто на земле ценил бы мудрецов?

* * *

От ничтожных дел вовек
Громкой славы не бывало.
Не поднимет человек
Бурь посредством опахала.

* * *

Может быть нежданно день погожий
И в капризном марте иногда.
Лгун известный правду молвить может,
Да не можем мы понять: когда?

* * *

Счастливец ты, коль век свой проживешь
Так, чтоб оставить на земле не менее
Скорбящих о тебе, когда умрешь,
Чем тех, кто рад был твоему рождению.

* * *

Тебе себя не воспитать,
И бесполезны все уроки,
Коль ты не можешь распознать
В своих врагах свои пороки.

* * *

Сохраниться суждено
Лишь тому, что пишут кровью,
Что в страданье рождено...
Остальное — пустословье.

* * *

Ничего не канет без возврата,
И, поверь мне, сколько бы обид
Ты отцу ни причинил когда-то,
Все тебе твой отпрыск возвратит.

* * *

Бьющему всю жизнь в набат
Песнь иная незнакома.
Мельник в том не виноват,
Что порой не слышит грома.

* * *

Впрок не пойдет ничто на свете,
Что ты нечестно наживешь.
Хоть краденый скакун хорош,
Хоть он бежит быстрей, чем ветер,
Но с ним на скачки не придешь.

* * *

Мысли умные, мой друг,
Не втолковывай тупице.
Не руби прогнивший сук:
На дрова не пригодится.

* * *

И тьму, которой нету безысходней,
Рассвету все же суждено сменить.
В дому, где поминание сегодня,
Когда-нибудь веселой свадьбе быть.

* * *

Нестрашно, если ветер ветви
Гнет или шелестит в траве.
Страшней гораздо, если ветер
В твоей гуляет голове.

* * *

Явлений многозначна суть.
И ветер, дующий над нами,
Способен и свечу задуть,
И разнести по свету пламя.

* * *

Людей невинных на веку не раз
В чужих грехах винили мы и кляли.
Бросали палку в коршуна подчас,
Да палкою в цыпленка попадали.

* * *

Гогов того, в ком нет изъяна,
Со света сжить бездарный сброд,

Расти высокому платану
Кустарник мелкий не дает.

* * *

Бывает в мире не во всем согласье,
Часы идут по-разному для нас.
Найти бы труженику лишний часик,
Лентяю б лишний часик скоротать.

* * *

В этом меж людьми различья нет.
Даже тот, кому в тюрьме случится
В первый раз увидеть белый свет,
Тоже, чтоб свободным быть, родится.

* * *

Сила с правдою счастливо
Может быть не сплетена,
Сила не всегда правдива,
Правда не всегда сильна.

* * *

Кустарник частый не полег:
Кусты друг друга защитили.
А дуб в грозу упал в бессилье:
Он был могуч, но одинок.

* * *

От себя достойный человек
Даже недостойных не прогонит.
Настоящий садовод вовек
Не уколет о шипы ладоней.

* * *

Люди льстили так ему в угоду,
Что от слов устал он, говорят.
Говорят, медведь, объевшись меда,
Счел, что мед немного горьковат.

* * *

Кто был в былые годы добродеем,
У тех и старость будет не мрачна.
Бывает старость тем награждена,
Что в молодости человек содеял.

* * *

Людей достойных привечаем мы,
Но очень часто так бывает с нами:
Достойным душу открываем мы,
А все иные в душу лезут сами.

* * *

Собственная глупость не пугает
Тех, что дураками рождены.
Но от глупости чужой, бывает,
Мудрецы страдать обречены.

* * *

Собственных обид своих не слушай.
И друзей за слабость не кори,
И за их спиной не говори,
Как с друзьями ты великодушен.

* * *

Бывает, не от всяких слов
И дел мы обретаем славу,
Не поучайте мудрецов,
Не обучайте рыбу плавать.

* * *

Если у тебя кувшин худой,
То вино туда вливать не надо,
Если говорлив товарищ твой,
Тайн своих ему вверять не надо.

* * *

Богатство черствостью чревато,
И не напрасно говорят:
«Тот, кто богат скотом и златом,
Душой не может быть богат».

* * *

Велик ли прок, что сладко с языка
Течет твое неправедное слово?
Для рыбы радость в том невелика,
Что золотой крючок у рыболова.

* * *

Веревка, может быть, и не тонка,

Быть может, и завязана умело,
Но подает ее недобрая рука,
И с помощью такой тебе наверняка.
Спускаться с гор — рискованное дело,
А на веревке, что не столь крепка,
Но той, что держит добрая рука,
С любой скалы спускаться можешь смело.

* * *

На свете немало добра и щедрот,
Речь добрая с доброю тучей сравнится,
Что полю желанную влагу несет.
От добрых дождей пробивается всход,
Чтоб в поле пшеница могла колоситься.
От доброго слова, что в сердце родится,
И доброе дело начало берет.

* * *

Порой не златом злато рождено,
Не в злате золота ищи основу,
Во рту, где золотых зубов полно,
Порой за целый век не суждено
Родиться золотому слову.

* * *

Коль не до конца доведено,
Делу радоваться нет причины,
Стало кислым в кувшине вино,
Потому что налито оно
Было в тот кувшин до середины.

* * *

Говорит, как правило, всех громче
Тот, кто делать дело не мастак.
Курица, что квохчет громче прочих,
Как ни ждешь, яиц тебе не даст.

* * *

Чтоб цель скорей могла осуществиться,
Добро со злом мешают иногда,
Но если с солью смешана вода,
Она, водой оставшись, — вот беда! —
Для утоленья жажды не годится.

* * *

Быть друг не может захудалым.

Он — друг, и ты его цени.
Каким бы ни был палец малым,
Нет пальца — нету пятерни.

* * *

Давно в народе нашем говорят,
И эту мысль столетия не старят:
«Тобой любимый в дар тебе навряд
Даст то, что любящий тебе подарит!»

* * *

Мудрецам порой мы не внимаем,
Все мы сами выболтать должны,
Что поделать, за воронним граем
Соловьи бывают не слышны.

* * *

Хоть друга нашего крепка рука,
Но друга одного — пусть дружба свята,
Нам недостаточно наверняка.
Одной подпорки, хоть она крепка,
Чтоб дом держать, пожалуй, маловато.

* * *

Кто зол, тот жить и злому не дает,
Но если зло ему содеять надо,
Злодея он в товарищи берет.
И волк собрату глотку не грызет,
Напасть замыслив на овечье стадо.

* * *

Ловкач и скряга рад добыче всякой.
Он все проверит, собирает впрок.
Он даже с камня шкуру, если б мог,
Содрал, чтобы скроить себе чувяки.

* * *

Даже в пору своего заката
Истинный певец еще поет,
Хоть не так уже, как пел когда-то,
Что ж, в саду весной еще цветет
И еще дает осенний плод
Груша, что от старости щербата.

* * *

Никому добра не принесет
Человек, что от природы гадок.
Груша дикая и дарит плод,
Но вовек он не бывает сладок.

* * *

Уродство век наш делает короче,
А красота спасает от невзгод,
Не вянет долее травинок прочих
Травинка, что в тени цветка растет.

* * *

Не стоит верить, будто бы глупец
От многого богатства поумнеет.
Но стоит верить: мудростью мудрец
И бедность одолеет.

* * *

И если будет чудом нам дана
Возможность выбора всего одна,
Я вам желаю сделать выбор, люди:
Не радость ваша будет пусть длинна,
Пусть лучше ваше горе кратким будет.

* * *

Хотя был чтим в былые времена,
А ныне никуда он не годится,
Он всюду о себе напомнить тщится.
Что делать: тень зимою не нужна.
Но наземь все-таки она ложится.

* * *

«Огонь всесилен так же, как вода!» —
Так часто люди говорят, но все же
Мы знаем, что порою без труда
Водою гасят пламя, но когда
Река из своего выходит ложа,
Бывает наводненье, и — беда—
Огонь с водою совладать не может.

* * *

Общенье с мудрым не считай оплошкой,
Ты от него усвоишь что-нибудь,
Не вычерпать воды из моря ложкой,
Но ложкой что-то можно зачерпнуть.

* * *

Даже близ огня у скряги в доме
Будем мы дрожать наверняка,
Будет нам тепло и на соломе
Под худою буркой добряка.

* * *

Плакал человек, что был обкраден,
Вор досадовал, что мало взял.
Овцепас несчастный горевал:
Съел ягненка волк — будь он неладен!
Волк жалел, что был ягненок мал.

* * *

Мельница крыльями машет вдали,
Крылья ее — словно винт самолета,
Мельница крыльями машет вдали,
И удивляется, думая, кто-то:
«За многолетье от отчей земли
Крылья ее оторвать не могли,
Ибо работа ей слаще полета».

* * *

Покуда не спустил еще курка,
Прицельсь, цель увидя в отдаленье,
Покуда не слетело с языка,
Обдумай слово, взвесь его значенье.

* * *

Холодным словом все равно
Ничьих ты не рассеешь бед,
Ты не разгладишь полотно,
Когда утюг твой не нагрет.

* * *

Ты мыслишь и творишь, а люди судят,
Любой из нас тебя корит и бьет.
Так в дерево бросают палки люди,
Покуда хоть один остался плод.

* * *

Быть может, твой колодец и глубок,
И широка тропа к нему, а все же,
Коль нету в нем воды, какой в нем прок
Ничью он жажду утолить не может.

* * *

Глупец, чему его бы ни учили,
Добра не может отличить от зла,
Какую б кладь на спину ни взвалили,
Все тянет к старой мельнице осла.

* * *

Те, что вино изрядно пили,
Когда-то протрезветь должны,
А те, кого хвалой пьянили,
Так и останутся пьяны.

* * *

Мы любое дерево от века
Ценим по плодам его ветвей,
Узнаем мы цену человека,
Оценив рожденных им детей.

* * *

Что милей родимого угла?
В мире место лучшее найди-ка,
Родина обширна иль мала,
Для своих сынов она велика.

* * *

Если думаешь о деле,
Ты не будешь одинок.
К мельнице, покуда мелет,
Всяк приносит свой мешок.

* * *

Время с мельницею схоже,
Вертится, шумит она.
Ты не жернов, если можешь,
Своего насыпь зерна.

* * *

Пусть не цепляется за славу тот,
К кому она приходит не по праву.
Кто незаслуженно присвоил славу,
От тех она заслуженно уйдет.

* * *

Когда сгибают нас года,
Жизнь наша схожа с ночью поздней,
Но поздней ночью иногда
Луна яснее, небо звездней.

* * *

Единения людей
Даже смерть и та страшится
И справляется быстрей
С тем, кто дружбы сторонится.

* * *

Мудрость мудрого в глазах таится
И заметна, хоть мудрец молчит.
Так же, как заметны крылья птицы,
Д аже если птица не летит.

* * *

Ты даже будь сильнее великана,
Что ты один пред крепостной стеной?
И капле, даже капле океана,
Когда она одна, не стать волной.

* * *

Хотя они и на земле родились
И созданы для жителей земли,
Стихи всегда соединить стремились
Нас с небом, голубеющим вдали.

* * *

Нет ничему столь грустного конца,
Как радости, что ото лжи родится.
«От радости и помер сын лжеца!» —
Так в нашей поговорке говорится.

* * *

Вещь золотая, может, и мала,
Ценней изделья медного, большого,
Для нас ценна скупая похвала,
Но если золото — ее основа.

* * *

В одиночку храбрый в бой вступает,
Трус в толпе хоронится от зол.
Вороны летят, чтоб сбиться в стаи,

В одиночестве парит орел.

* * *

Шум — признак дела не всегда,
Не всякое движенье — благо.
Чем гром сильнее иногда,
Тем незначительнее влага.

I I

* * *

Слов, не достойных чести и ума,
Каким соблазном ни был бы ты мучим,
Не изрекай, хоть навалилась тьма,
Не изрекай, хоть ты в лесу дремучем.

* * *

Когда под силу, то перешагни
Ты гору или дол в пределах века,
Но в этом мире через человека
Переступать — судьба тебя храни.

* * *

Над головою заметить нетрудно
Черные тучи, что к буре нависли,
А черное сердце таится подспудно,
И скрыты улыбкою черные мысли.

* * *

Не надейтесь на лошадь, которую в холе
Одиноко пасли, а взнуздайте коня,
Что возрос в табуне, на подоблачном поле, —
Он при случае вынесет вас из огня.

* * *

Всему своя доля, всему свой удел.
И в мире подлунном обычно
Высокая мудрость имеет предел,
А глупость — всегда безгранична.

* * *

Пусть многолетней выдержки прекрасно
В покое прозябавшее вино,
Но прозябанье мужеству опасно,

И обновляться мужество должно!

* * *

Как расцвело бы познания древо,
Как бы в устах засверкали слова,
Если б такой ненасытной, как чрево,
Каждого в мире была голова.

* * *

С незапамятных лет, как пророки, живут поговорки
И сбываются их под луной пророчества:
Не лелеявший всходов — раскается в пору уборки,
А друзей не ценивший раскается в час одиночества.

* * *

Хорошее слово — дороже коня,
Вынесет к свету из черного дня,
А слово худое, недоброе, злое —
Черной гадюки прямая родня.

* * *

Порой стоустая молва
Подобна острию кинжала,
И сердце многим пробивала
Она, исполненная зла.

* * *

Нет ничего на свете бесполезней,
Чем предаваться лени на веку.
Безделие — причина всех болезней,
Скала погибнет, лежа на боку.

* * *

Тебе не тяжко, если в ясный день
Тень за тобой навязчиво плетется,
Но если сам ты превратился в тень
Тебе в дороге нелегко придется.

* * *

Малосильны речки и речушки,
Но когда сливаются вдали,
То грохочут, как в сраженье пушки
На волнах качая корабли.

* * *

Пословица, как эхо,
Живет на склонах гор:
«Чужой дурак — потеха,
А свой дурак — позор».

* * *

Алмаз — вершина ценного кольца,
И женщина тогда лишь хороша,
Когда черты прекрасного лица
Венчает благородная душа.

* * *

Скрывая свой истинный лик
И мысли тая воровато,
Преступник — закона должник:
Час грянет — наступит расплата!

* * *

От слова не расплавятся снега,
И не набьешь цены, себе зазнайством.
Не уничтожишь руганью врага
И мысли не возвысишь краснобайством.

* * *

Если жадность ты смог побороть,
То за бедным столом по заслугам
Сладок пиршески хлеба ломоть,
Разделенный по-рыцарски с другом.

* * *

Достойна лишь — приметой возрастной
Быть седина в пределах всех широт:
Как мудреца, почтенной сединой
Глупца венчают годы в свой черед.

* * *

«Те велики, а эти малы»,—
Так людей разделяют невежды.
Но не сшить даже бедной одежды
В этом мире без малой иглы.

* * *

Хоть иногда и торна и полога
Дорога непривычная, но все ж

Она трудней, чем горная дорога,
Которою ты сызмальства идешь.

* * *

Для лошади, чья в скачке сбита холка,
Слепень в жару безжалостнее волка.
И сито для бездельника не сито,
А круг тяжеловесный из гранита.

* * *

Кружись, планета!
Здравствуй, высота!
Уста поэта —
Совести уста.

* * *

Встретилось добро с добром сердечно.
Обнялись. Теперь идти им вечно.
Повстречалось зло со злом в дороге.
Обнялись... И протянули ноги.

* * *

Того, над кем смыкается вода,
Спасают водолазы иногда,
Но нет надежд спасти того, дружище,
Над кем земля сомкнулась на кладбище.

* * *

Когда нас тянет прошлое назад
И не дает в грядущее нам ходу,
Мы узы с прошлым рубим, как канат,
Чтоб обрести в движении свободу.

* * *

Соседу не напомню про обиду
И, не обмолвясь про его вину,
Как верный друг, плечо к плечу с ним выйду,
Когда пойдет сосед мой на войну.

* * *

У времени имеется четыре
Художника правдивых в этом мире,
Они бессмертны, словно жизнь сама,—
Весна и Лето, Осень и Зима.

* * *

История любого века,
Столкнув для схватки свет и, тьму,
Ведет свой путь от человека
И возвращается к нему.

* * *

Учить глупца бессмысленно уму,
Такое не под силу никому:
Ведь на бесплодном камне невозможно
Посеять хлеб иль вырастить хурму.

* * *

Радетель отческой земли,
Как сорную траву пустую,
Ложь с поля жизни удали
И правду сей на нем святую.

* * *

Кто не знал поражения, тот
Оценить не способен успеха.
Кто горючей слезы не прольет,
Не познает и сладости смеха.

* * *

Лишь затем, чтоб исцелить
От опасного недуга,
Не душе, а плоти друга
Вправе боль мы наносить.

* * *

У каждой тайны ключик есть,
Да где запрятан он, бог весть.
Кто ключ найдет, тому она
Открыться первому должна.

* * *

Неминучие долгие горести
Ожидают на свете того,
Кто пойдет против собственной совести
Ради выгоды дня одного.

* * *

Вчерашнее слово сегодня не ново,

Но если сегодня сумеешь, мой друг,
Грядущего дня обнародовать слово,
Признательный отзыв раздастся вокруг.

* * *

Наследник в мир шагнет с порога,
И станет, как судьбы залог,
Ему отцовская дорога
Началом собственных дорог.

* * *

Того не перекладывай на завтра,
Что сможешь ныне сделать, дорогой,
А то опередит тебя внезапно,
Перо сжимая, кто-нибудь другой.

* * *

Еще говаривали деды,
Совместно подвиги верша:
Одна у дружбы и победы
Неугасимая душа!

* * *

Из всех украшений от века,
Какие легко перечесть,
Не красило так человека
Ничто, как врожденная честь.

* * *

Бросишь шапку в середку оравы —
Станут шапку швырять и пинать,
Потому стерегись для забавы
Ты в толпу свое слово бросать.

* * *

Век доброго имени короток станет
Того, кто за длинным погнался рублем.
И слава дурная к такому пристанет,
Не зря она цепкостью схожа с репьем.

* * *

Изрек господь, не скрыв досады:
— Эй, привереды на земле,
Вы летом ищете прохлады,
Зимой печетесь о тепле!

* * *

Крестьянский дом, открытый для гостей,
Как будто бы для добрых новостей,
Палат дворцовых для меня богаче,
Устойчивей суровых крепостей.

* * *

Все вещи в доме хороши,
Но нет любви в нем, нету песен.
И хоть просторен дом, он тесен
Для очарованной души.

* * *

Всяк в этот мир свои приметы внес,
И видит наблюдательное око,
Что спесь высоко задирает нос,
А гордость носит голову высоко.

* * *

Душа в ином, бунтуя неприкаянно,
Куда моложе своего хозяина.
В другом она, исполненная холода,
Старей владельца, чье обличье молодо.

* * *

Да здравствует горячая работа,
Пусть соль на спинах выступит у нас,—
Надежда стоит пролитого пота,
Окупится он ею десять раз!

* * *

Где речка камню трется об щеку
Вблизи от облачной гурьбы,
Вновь солнце кажется аробщику
Багряным колесом арбы.

* * *

Можно время измерить и взвесить
Вдохновенной работой земной,
Но обмерить его и обвесить
Никому не дано под луной!

* * *

— Пес, ты за кем бежишь вдоль буерака?
— За зайцем вслед, — ответила собака.
— А ты, косой, за кем летишь вдогон?
— За собственной душой, — ответил он.

* * *

Заветы стариков не бесполезны,
И сказано потомкам не вчера:
«Приводит на вершину путь добра,
А тропы зла приводят в чрево бездны!

* * *

Не напрасно говорится
Между всех людей труда:
«Кто умеет веселиться,
Тот продлит свои года!»

* * *

Покрывается слово порошей
Иль травой зарастает в кустах,
Если слово с полезною ношей
Не бытует на наших устах.

* * *

Невезучий далеко-далёко
Ищет счастья, сетуя на бога,
А везучий ищет не без прока
Счастье возле отчего порога.

* * *

Однажды доктор посетил
Без вызова мой кров.
— Чем болен ты? — он не спросил.
Спросил он: — Чем здоров?

* * *

Ущербен подозрительности ум,
Его владелец сам того виновник,
Что он покоя собственного кровник
И, как ни улыбается, угрюм.

* * *

Книги людям исстари подобны,
Нас не зря на подвиг вдохновить
Книги благородные способны,

А дурные могут погубить.

* * *

Гомера лаврами венчали,
Хоть мир темнел пред ним, как склеп.
Не тот слепец, кто слеп очами,
А тот слепец, кто сердцем слеп.

* * *

Завиднее нету удела,
Чем с правдою быть заодно.
Погибший за правое дело
Воскреснет в молве все равно.

* * *

Прекрасна Жизнь. А Смерть, ее сестра,
С ней не имет никакого сходства.
И одержимо завистью уродство...
Красивы мы до смертного одра.

* * *

Отчих слов лелея улей,
Постарайся не забыть,
Что порой словцом, как пулей,
Можно сердце прострелить.

* * *

Кровля дома лишена опоры,
Тьма стоит за окнами всегда,
Если поселились в нем раздоры,
Если поселилась в нем вражда.

* * *

Чарка лишнего вина
Нас качает, как волна.
А придешь от краснобая,
Голова дурным-дурна.

* * *

Забудут очи, оплошав,—
Припомнит зрячая душа.
А коль душа забудет,
Навеки это будет.

* * *

Слова — призывники. Я их мобилизую,
В построчный ставлю строй и рифмами связую.
Они уйдут опять, как будто бы в сраженье,
Победу мне снискать иль горечь пораженья

* * *

Наступили весенние сроки,
Белопенные мчатся потоки,
Словно белые шапки вершины,
Сняв, швырнули в речные стремнины.

* * *

Пал наездник под копыта
Скакуна на всем скаку.
Он погиб, да не забыто
Его имя на веку.

* * *

Лоза, явив наследственную сметку,
Ползет на древо, набирая высь,
Не для того, чтоб взять его за глотку,
А чтобы гроздья солнцем налились.

* * *

Навет не схож по виду с пистолетом,
Но в этом мире много тысяч раз
Случалось, что заведомым наветом
Клеветники приканчивали нас.

* * *

Жалейте близких, предостерегайте
От пагубных ошибок на веку
И, не польстив, совет им подавайте,
Как пред дорогой стремя кунаку.

* * *

Числом народ мой невелик,
Чем родственен алмазу.
Исчезни он — и в тот же миг
Мир обеднеет сразу.

* * *

Сострил удачно он сперва,
Смеялись мы, поверьте,

Но, прошутив и час, и два,
Наскучил всем до смерти.

* * *

Эвкалипт эвкалиптом останется,
Хоть весь век его кожа меняется.
И змеей остается, холодная,
В новой коже змея подколодная.

* * *

Цветы нужны не мертвым, а живым,
Живых венчайте лаврами почета.
Печальна запоздалая забота,
Как стук в тот дом, который нелюдим.

* * *

Камень за пазухой у одного
Многие годы таился.
В печени камень теперь у него:
Камень от камня родился.

* * *

Слово мудрое. Оно
Схоже с компасом от века,
И ему спасать дано
На распутье человека.

* * *

День оценить полней ты сможешь снова,
Когда, смеркаясь, обагрится высь.
Вечернее поведай миру слово,
А с утренним прийти не торопись.

* * *

Сказал мне мастер — мой старинный друг:
«Нет инструмента совершенней рук».
Сказал наездник, оседлав коня:
«Зачем мне плеть, есть голос у меня».

* * *

Забравшись белым днем на сеновал,
Бездельник от безделья отдыхал.
И страшный сон ему при этом снился,
Как будто сено на арбу метал.

* * *

Границы совести своей
Храни и доблестно, и свято,
Как стены древних крепостей
Хранили прадеды когда-то.

* * *

Чтоб враг не пребывал в соблазне
Вступить в предел твой сапогом,
Будь начеку ты и боязни
Не выскажи перед врагом.

* * *

У вора нету выходных,
И денно он и нощно
Охоч работать за троих
И даже сверхурочно.

* * *

Когда-то был не по уму
Сей муж приговорен к диплому.
Что ясно с первых слов иному,
Не просто втолковать ему.

* * *

На трусость чуток песий нос.
И с улицей бок о бок
Поднимет и паршивый пес
Лай на того, кто робок.

* * *

Лечись, пока не запустил недуга,
Сложи очаг, пока не воет вьюга.
Бывает поздно, не забудь о том,
Колодец рыть, когда в огне твой дом.

* * *

«Мучиться бездельем и при этом
От безделья предаваться сну.
Лучше уж расстаться с белым светом», —
Говорили люди в старину.

* * *

Известно, что дурная голова

Порою может натворить такое,
Что сто голов лишит она покоя
И вместо хлеба вырастет трава.

* * *

В горах когда-то говорили так:
«Радивый в деле не упустит время.
Ведь вовремя посеянное семя
И на камнях родит полезный злак».

* * *

Веленье жизни непреложно:
«Живи трудами рук своих.
Благополучье ненадежно,
Возникшее за счет других».

* * *

Мастер, нанимаясь, на работу,
Выскажет о ней свою заботу.
Ну, а кто не сведущ в деле, тот
Прежде об оплате речь ведет.

* * *

Кто в средствах неразборчив, тот привык
И с чертом общий находить язык.
Ему плевать — что совесть? что закон? —
Какой ценой достигнет цели он!

* * *

Себя возлюбил он, и нет до других
Ему ни малейшего дела.
Пусть с неба хоть сыплются камни на них,
Пылинка его б не задела.

* * *

Как оружье, в чистоте хранима
Совесть у абхазского крестьянина.
Тот пред ним пройти не сможет мимо,
Кем добро чужое прикарманено.

* * *

Один, сгубив себя, покинул белый свет,
Дорогою его другим идти не след,
Ведь пропасти на дно по глупости своей
Лишь за овцой овца кидается вослед.

* * *

Душой он пуст, но пост его высок,
И вспомнил я пословицу Кавказа:
«Коль нет початков, будь хоть долговяза
На поле кукуруза, — что за прок?»

* * *

Невольным страхом обуян,
Спешит, торопится мошенник.
Вор, что залез в чужой карман,
На месте не считает денег.

* * *

Не таи, как от врага недуга,
Горького сомнения от друга.
Боль твою сумеет друг понять,
Как младенца в колыбели мать.

* * *

Абхазец помнит дедовский совет,
И потому он всякий раз поныне
Для пользы сыну старшему совет
Старается подать при младшем сыне.

* * *

Имеется немало в нем достатков,
Но оказался смолоду в тени
И стал похож, судьба его храни,
На стебель кукурузы без початков.

* * *

У чаевода просит он табак,
Чай — у табаковода — для заварки.
Когда б овца пред стрижкою вот так
Шерсть одолжить просила у овчарки?

* * *

Мной, живя с душою нараспашку,
Продать готов последнюю рубашку.
Но мне, клянусь, милее он, чем тот,
Который вечно совесть продает.

* * *

Говорят: «Если б молодость знала»,
Говорят: «Если б старость могла».
След, чтоб с опытом рядом стояла
Сила юная, словно скала.

* * *

Нетленна мысль в сравнении с алмазом
Пред временем. О если бы она,
Осилив глупость, утвердила разум,
Исчезла бы на всей земле война.

* * *

Он к своему невежеству привык,
Давно слывя и знатным, и богатым,
Когда б музей невежества возник,
Он был бы в нем прекрасным экспонатом.

* * *

От века ум стремится к высям
Не только звездной синевы,
И, как известно, независим
Он от размеров головы.

* * *

Пред тем как сеять на поле зерно,
Тебе знакомо быть должно оно.
И человека знать ты должен прежде,
Чем отправляться в путь с ним заодно.

* * *

Злу искони в одном лишь не везло:
На этом свете рано или поздно
Оно разоблачалося — и грозно
Добро подзвездно осуждало зло.

* * *

Двое разделить один почет
Не смогли, как равные, и вот
Те, кто сотоварищами были,
Друг на друга злобу затаили.

* * *

Пока на взводе хоть одно
Ружье с приделом сатанинским,
Покоя в мире все равно

Сердцам не будет материнским.

* * *

Он ратовать за критику горазд,
Но уж себя критиковать не даст
И скажет, опершись на край стола:
— Я критику ценю, но здесь звучит хула!

* * *

Свет истины! Прекрасней света нет,
И мы, как предназначено судьбою,
Порою проливаем этот свет,
Свече подобно жертвуя собою,

* * *

Если справа плечо настоящего друга,
Если слева плечо настоящего друга —
Это много надежнее, если б с тобою
Были кованый меч и стальная кольчуга.

* * *

Любовь сильней, чем ночь,
Любовь сильней, чем день.
Она как свет, что прочь
От сердца гонит тень.

* * *

Не сразу даже чуткая рука
Отыщет, твоего коснувшись тела,
То место в нем,
где злая боль засела,
И лишь тебе известное пока.

НА МИРНОЙ ПОЛЯНЕ

Поэма

Играют дети в море, счастья полны.
Сверкая, брызги в воздухе висят...
Играют, как траву, сминают волны.
Все море — как огромный детский сад.

Какой простор, как радостно и сочно
сияет утро лета щедрый дар, —
и золото прибрежного песочка,
и солнца золотой горячий шар!

Играют дети, плавают, ныряют,
в безбрежность наперегонки гребя,
бесстрашно глубине себя вверяют,
бесстрашно солнцу отдают себя!

Пловцы простор одолевают ходко:
плыви, несись, а главное — не трусь!
Пусть у кого-то — надувная лодка,
а у тебя — надутый мамой гусь...

Я с берега смотрю на игры эти.
И радостно, и чуть тревожно мне.
Играют дети, подрастают дети,—
счастливые! — не зная о войне.

Им мир достался от отцов в наследство,
оплачен непомерною ценой.
И годы, что меня лишили детства,
опять — щемящей горечью — со мной.

* * *

О годы детства!
Как вы тяжки были.
Мечты, надежды — преданы огню
Вас взрослою бедой к земле прибили,
Но никогда ни в чем вас не виню.

Вот только неотвязно помню, помню,
как все печально полнилось вокруг!
Еще мне снились сказочные кони,
а я с конем уже впрягался в плуг.

О годы детства!
Вас забыть непросто,
хоть в ваших песнопениях — металл.
...Пот проливал и, как мужчина взрослый,
на мельнице я время коротал.

И, если мне вы прибавляли роста,
над головой зажгли ученья свет,
еще сильнее горечью сиротства
мне омрачали суть летящих лет.

Я старшим был, я стал, —
а кто же кроме?
Забыв о детских играх, о весне, —
хозяином в своем сиротском доме.
Не по годам досталась доля мне.

Но на судьбу не сетовал ни разу,

хотя мой безмятежный смех зачах, —
а так и жил по-взрослому, не праздно,
с той непосильной долей па плечах.

Услышав голос, я бежал к калитке, —
готов любого гостем принимать.
Чего—чего, а доброты — в избытке!
Так научили нас отец и мать.

И все вершилось по законам чести.
Будил нас плач в поселке у реки —
пусть ночью! — шли туда мы с мамой вместе.
Чужие беды, как свои, близки.

Кончалось лето. Поработав вволю,
я отдыха не знал, как на войне.
Вязал снопы па кукурузном поле
и темной ночью при свече-луне.

Иль под навесом очищал початки
всю ночь, когда в объятьях тишины
бывают так загадочны и сладки
счастливые младенческие сны.

Я б так хотел хоть что-то приукрасить,
но — нет... Сиротство. А потом — война.
Война... Я был тогда лишь в пятом классе.
На детстве крест поставила она.

То утро было пасмурно и гневно.
Казалось, прокатился страшный шквал.
И колокол молчал, что ежедневно
нас на уборку чая созывал.

Я помню, как печальную примету,
тревожный, неприкаянный рассвет.
Не допахав бороздку, к сельсовету
спешит с другими вместе наш сосед.

Невеста, онемев от страшной вести,
с себя срывает белую фату.
И счастье жизни кажется невесте
той птицей, что подбили на лету.

Поехал отдохнуть один приятель —
вернулся с полдороги он с трудом...
Опора дома — семь прекрасных братьев
уходят на войну, бросают дом.

И врач, не докуривши сигарету,
шагнувши в дым войны, исчез во мгле.
Все на войну ушли в годину эту.

Ни одного мужчины на селе.

По всей земле — лишь только боль, беда лишь,
и нет спасенья от невзгоды той!
Новорожденный,
ты потом узнаешь,
что был и до рожденья сиротой...

Все больше у людей сердца болели,
во всех домах — проклятая беда.
Все больше крылья жизни тяжелели,
ей не взлететь, казалось, никогда!

Но чем страшней людское это горе,
тем яростнее ненависть к врагам.
Она росла и превратилась вскоре
в один несокушимый ураган,

Не пали духом, хоть беда косила
всех без разбору, как были крепки,
взялись за дело с молодецкой силой,
помолодев душою старики.

Они скрывали все свои недуги,
отодвигали даже смертный час.
Держать мотыги не устали руки —
натруженные — в тот суровый час.

А с ними рядом — женщины и дети
делили их невзгоды и труды.
И так старались, будто бы на свете
нет никакой печали и беды!

Еще я помню, как все время мама
вязала — столько долгих дней подряд —
с подругами неистово, упрямо
носки и рукавицы для солдат.

О, сколько тех стараний увлеченных
слилось, чтоб преградить дорогу мгле!
Потом — черно от похоронок черных,
как ночью, стало вдруг в родном селе.

Ходили старцы к безутешным вдовам,
в дома, где счастья обрывалась нить,
день погребенья назначали, словно,
кого-то можно было хоронить...

И все равно, какие ни печали,
не прекращался непрерывный труд,
хотя сердца разбитые стучали
набатом страшной боли там и тут.

И все равно своих любимых ждали,
сомненья запирали на замок.
Не веря в бога, яростно гадали
на картах, по руке, — ну, кто как мог.

Гадалку не держали за невежду,
ее прекрасный вздор сердца лечил.
Она вселяла светлую надежду
и в тех, кто похоронку получил.

В той тыловой семье, в сплоченье тесном,
на той дороге, трудной и крутой,
мужало за работой наше детство,
великой осененное бедой.

Вот вижу: чайный лист мы собираем,
не мяч гоняем дружною гурьбой,
не в игры свои детские играем, —
а новый урожай везем арбой.

Так пролетали наши дни и ночи,
не позабыть их никогда, нигде.
Ребенок танцевать, смеяться хочет...
Но, что поделать?.. Родина в беде!

Так в поле мы со взрослыми трудились,
и в испытаньях этих дух окреп.
Мы фруктами и тыквой обходились,
со взрослыми делили скудный хлеб.

Но хоть он был таким скупым и жалким
кому-то было тяжелей сполна.
В село к нам приходили горожанки —
одежду поменять на горсть зерна.

Гудели в небе самолеты вражьи,
дырявили зенитки свод небес,
и покрывались злою черной сажей
трава, цветы, морские волны, лес.

Па нас листовки мерзкие летели,
как вороны, чертя зловещий круг.
Враги в листовках убедить хотели,
что нашей Красной Армии — каюк!

Мы собирали их в десятки стопок
и, коль назад швырнуть их не могли,
мы очищали землю от листовок,
закапывали в землю или жгли.

* * *

О годы детства! Вы еще дорожу
мне сутью вашей трудною самой.
О годы детства,
вы сражались тоже
с фашистскою коричневой чумой.

Меж тем война, летя, как ветер встречный,
была все ближе, вот она — и в Псху...
Безмолвие снегов разбила вечных.
Стрельба, гром взрывов, грохот — на слуху.

Остановилась пред грядою горной,
застопорилась страшная война.
Бесстрашная Апсны стояла гордо,
так вражью силу встретила она.

На лошадях и мулах поднимали
боеприпасы в горы стар и млад.
И, как бойцы, жестоко понимали,
что нет дороги, нет пути назад.

В сознанье этом крепла наша сила.
Я помню: словно юноша, удал,
вот дядя мой, Степан, во славу сына
коня чистопородного внуздал.

Купал в реке Дгамыш, из сердца горе
гнал прочь, в победу веря всей душой.
Потом вручил коня идущим в гору,—
как свой наказ, подарок свой большой.

«Служи, скакун, святому делу чести!
Поддержкой и опорой сыну будь.
Потом назад вы возвратитесь вместе,
когда вас приведет к победе путь...»

Еще не знал, когда так суетился,
послал лихого скакуна в огонь,
что станет... Сын с войны не воротился,
и с перевала не спустился конь.

А было все вокруг — как в страшной сказке.
Ужаснее не помню я поры.
Война стояла у ворот абхазских,
заглядывала нагло во дворы.

Очаг, столица праздничных застолий,
Одетый в зелень вечною весной,
уже Сухуми под бомбежкой стонет,
уже он ранен, город наш родной!

Все вместо на его защиту встали,
с врагом ретивым сбили спеси хмель,—
как будто мощно крылья распластали
над тем, который паша колыбель.

И мы, родную землю защищая,—
Мы, дети, — нет, отнюдь не детский сад!
Однажды как-то, помню, в кущах чая
вдруг вражий обнаружили десант.

Любой из нас был ко всему причастен,
иного просто не было пути.
Со взрослыми окопы рыли. К счастью,
враг в город все же не сумел войти.

В горах бойцы ему хребет сломали,
а мы, пока они сражались там,
заботы их на плечи принимали,
урок и доблесть — молодым летам.

Враг в город не вошел... Но горе било,
как прежде, через край. О, не один,
кого семья и Родина любила,
лег в землю и не дожил до седин.

Во многих семьях горе поселилось,
у каждого был кто-то там, в бою...
И хоть война от нас и отдалилась,
но горечь нам оставила свою.

Легла навеки в сердце эта горесть.
Но вот однажды — как стремились к ней!
Победа обозначила свой образ...
А фронт нуждался в нас сильней.

Она росла, Победа молодая,
ценой великой дело шло на лад.
А мы трудились, рук не покладая,
внося в победу свой посильный вклад.

Еды нам не хватало и одежды,
работал не на мир, на смерть металл...
Зато мы были так полны надежды,
что позабыли, кто и как устал!

Еще была, Победа, ты не близкой,
но расцвели все лучшие мечты.
Ты их зажгла неугасимой искрой,
над нашим духом властвовала ты!

На производстве шла работа споро,
плечом к плечу трудились стар и млад.

Звенел звонок чуть веселее в школах,
скликая звонко на урок ребят.

Мы открывали сразу жизнь и книгу
и постигали, чем они сродни.
В руках лопату, ручку и мотыгу
держать нам приходилось в эти дни.

Война все ненасытно подминала,
все пожирала, руша и губя.
И все же, к удивлению, немало
мы вырвали в ту пору для себя.

Летела жизнь... Светлели неба своды.
Маячила неведомая даль.
Невыносимо вспоминать те годы,
но позабыть сумеем их едва ль.

Да и не надо с памятью бороться,
нам горький опыт пригодится впрок.
Коль кто-то за оружие берется,
мы вспоминаем давний тот урок.

Пусть знает подлый и жестокий кто-то,
любовь повелевает, а не страх.
Закрыты к тем кровавым дням ворота,
но боль войны в распахнутых сердцах!

* * *

Играют дети в море, счастья полны.
Сверкая, брызги и воздухе висят.
Играют, как траву, сминают волны.
Все море — как огромный детский сад.

Я с берега смотрю на игры эти.
И радостно, и чуть тревожно мне.
Играют на поляне мирной дети —
счастливые! — не зная о войне...

ЛОМИА КОНСТАНТИН ШИРИНОВИЧ

АБХАЗСКИЕ СТРОКИ
Стихи. Поэма

Редактор Л. Шахназарова
Художник Н. Нариманидзе
Художественный редактор Т. Кохреидзе
Технический редактор А. Якимова

Корректор Э. Урушадзе

ИБ 4424
Сдано в набор 18.03.1987 г.
Подписано в печать 15.12.1987 г.
Формат 70 X 90 1/32
Бумага типогр. № 1
Гарнитура литературная
Печать высокая
Усл. печ. л. 5,41
Учетно-изд. л. 5,09
Условн. кр. отт. 5,56
Тираж 1.500 экз.
Заказ № 379
Цена 65 коп.
Издательство «Мерани»
380008 Тбилиси, пр. Руставели, 42
Первая типография Госкомиздата ГССР
380025 Тбилиси, ул. Орджоникидзе, 50.

(Выражаем благодарность Асиде Ломиа за помощь в приобретении книги.)

(Сканирование, вычитка - Абхазская интернет-библиотека, http://apsnyteka.org/.)